

Исаак Башевис Зингер

ОБМАНИЩИК

25
ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГОРДИЕЦ

«Обманиши» — роман о страсти и нарцисизме,
об оптимизме и нигилизме, раскрывающий парадоксальную
связь между человеческой трагедией и каждой жизнью.

Исаак Башевис Зингер

Обманщик

Издательский дом «Городец»

1968

УДК 821.112.28(73)-31
ББК 84(7Coe)-44

Зингер И.

Обманщик / И. Зингер — Издательский дом «Городец», 1968

ISBN 978-5-6048318-6-1

Америка 40-х, разгар Второй мировой войны. В центре сюжета – человек по имени Герц Минскер, самостийный гибрид философа-экзистенциалиста, религиозного мыслителя и теоретика психоанализа, отвергающий все категории в пользу того, что он именует «исследованием человека», – мешанины из размышлений о человечестве и его устремлениях. Минскер не может завершить ни одну начатую им книгу, однако же кое-кто из евреев-эмигрантов, говорящих, как и он, на идише, считает его гением-неудачником, заблудшей душой из прославленной раввинской семьи, ведь он постоянно тянет деньги из жены, друзей и подруг, но имеет потенциал стать великим человеком. Минскера окружают люди не менее заблудшие – лучший друг-бизнесмен, часто оказывающий ему финансовую поддержку, жена этого бизнесмена, поэтесса-графоманка, жаждущая пробиться в мире литературы на идише, спиритка-домохозяйка, которая ради Минскера устраивает фальшивые сеансы, и его жена, живущая в постоянной депрессии, оттого что оставила в Польше мужа и детей и сбежала с Герцем в Америку. Роман прослеживает поступки этих и других персонажей, меж тем как Минскер превращает их и без того непростую личную жизнь в полный хаос.

УДК 821.112.28(73)-31

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-6048318-6-1

© Зингер И., 1968

© Издательский дом «Городец», 1968

Содержание

От издателя	7
Глава первая	11
1	11
2	14
3	16
4	19
Глава вторая	22
1	22
2	24
3	26
Глава третья	28
1	28
2	30
3	32
4	35
5	38
Глава четвертая	40
1	40
2	43
3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Исаак Зингер Обманщик

Isaac Bashevis Singer
The Charlatan

© 2021 by The Isaac Bashevis Singer Literary Trust

© Н. Федорова, перевод на русский язык, 2023

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2023

* * *

От издателя

Исаак Башевис Зингер – один из самых плодовитых писателей XX века, чье наследие охватывает огромное количество романов, рассказов, воспоминаний, детских книг и эссе. Он первый и пока единственный из пишущих на идише авторов удостоен Нобелевской премии по литературе (1978) – правда, Шведская академия читала его произведения только в английском переводе. Тридцатидесятилетний Зингер эмигрировал из Варшавы в Нью-Йорк в 1935 году, и его письма, относящиеся к этому раннему периоду, наводят на мысль, что он уже тогда понимал важность расширения своей аудитории за пределы литературного мира на идише. В конце 1940-х годов, когда готовился к публикации его первый переведенный на английский роман, «Семья Мускат», он настолько глубоко вникал в перевод, что машинописный текст переводчика полностью утонул в его поправках. Издатель Зингера Альфред А. Кнопф распорядился перепечатать текст – за счет автора, – и с тех пор до конца своих дней Зингер лично контролировал едва ли не каждый перевод и только после проверки отдавал его в набор. Он сделал перевод частью своей художественной практики: сначала писал на идише, затем вместе с переводчиками создавал английский текст, а позднее работал с журнальными и книжными редакторами, сокращая отдельные пассажи или добавляя по-английски новые. Он выстроил творческий процесс, начинавшийся на идише и кончавшийся на английском, то есть, по сути, работал как американский автор-билингва.

Промежуток времени от начала карьеры Зингера на идише до появления его книг на английском языке – между тем он продолжал писать на идише и впервые выпусками напечатал свое сочинение в газете «Джуиш дейли форвард» – обусловил значительную отсрочку выхода его произведений на английском языке. Материалов для перевода и публикации всегда было больше, чем мог реально принять литературный рынок. Выбирая, каким проектам дать ход, Зингер и его литературные консультанты – такие, как издатель, редактор и агент, – нередко учитывали тему его книги и насколько она соответствовала его публичному имиджу. А чтобы вообще рассматривать произведение, коллегам требовался английский перевод, так что на протяжении всей своей карьеры Зингер сам заказывал и контролировал переводы своих романов с идиша. Это обеспечило выход в свет целого ряда самых известных его романов – «Раб», «Враги. Любовная история», «Шоша» и др. Однако более противоречивые и дерзкие книги оставались в стороне. Так случилось с «Раскаявшимся», романом об ортодоксальности, переведенном на английский вскоре после газетной публикации на идише (1973), но напечатанном по-английски спустя десять лет. Зингеру удалось издать этот роман лишь в 1983 году, через несколько лет после получения Нобелевской премии, когда он, вероятно, уже мог рискнуть выпустить книгу на столь сложные темы. Впрочем, такая судьба выпала не всем неопубликованным произведениям Зингера.

«Обманщик» – печатавшийся выпусками в «Джуиш дейли форвард» с декабря 1967 по май 1968 года и, видимо, в скором времени переведенный – при жизни Зингера был отложен и по-английски так и не вышел. Рукопись перевода вкупе с несколькими другими неизданными работами была обнаружена в бумагах Зингера в Остине, в Центре гуманитарных исследований Гарри Рэнсома, – рабочий экземпляр с поправками, внесенными рукой Зингера, и названием, небрежно написанным сверху первой страницы. На идише роман вышел под псевдонимом Ицхок Варшавски, то есть Исаак из Варшавы, хотя те, что читали на идише, давно знали, кто автор: в 1955-м Зингер под именем Варшавски выпустил на идише несколько рассказов о своем отце, а годом позже опубликовал те же рассказы как сборник под авторским псевдонимом Башевис. «Обманщик» – один из двух романов, опубликованных под именем Варшавски; второй – это «Пена», впервые напечатанная в газете на идише непосредственно перед «Обманщиком» в июне – сентябре 1967-го и вышедшая в английском переводе незадолго до кончины

Зингера в 1991 году. Оба романа – каждый по-своему – повествуют о сексуальных проблемах шестидесятилетнего мужчины, который, с одной стороны, ставит свое существование под вопрос, с другой же – ищет нервной щекотки доверительно-близких отношений и трудностей. Но если морально-сексуальное беспутство «Пены» изображено на фоне Варшавы рубежа XIX–XX веков, то действие «Обманщика» происходит в Америке в разгар Второй мировой войны. Иные из персонажей, едва сумевшие спастись из Европы, имеют некоторое представление о происходящем с их собратьями-евреями, но это лишь стимулирует их моральный и сексуальный разгул.

Среди романов Зингера «Обманщик» – один из самых безрадостных, хотя и один из самых волнующе-трогательных. Центральная фигура – человек по имени Герц Минскер, самостийный гибрид философа-экзистенциалиста, религиозного мыслителя и теоретика психоанализа, отвергающий все категории в пользу того, что он именует «исследованием человека», – мешанины из размышлений о человечестве и его устремлениях. Минскер не может завершить ни одну начатую им книгу, однако же кое-кто из евреев-эмигрантов, говорящих, как и он, на идише, считает его гением-неудачником, заблудшей душой из прославленной раввинской семьи, ведь он постоянно тянет деньги из жены, друзей и подруг, но имеет потенциал стать великим человеком. Минскера окружают люди не менее заблудшие – лучший друг-бизнесмен, часто оказывающий ему финансовую поддержку, жена этого бизнесмена, поэтесса-графоманка, жаждущая пробиться в мире литературы на идише, спиритка-домохозяйка, которая ради Минскера устраивает фальшивые сеансы, и его жена, живущая в постоянной депрессии, оттого что оставила в Польше мужа и детей и сбежала с Герцем в Америку. Роман прослеживает поступки этих и других персонажей, меж тем как Минскер превращает их и без того непростую личную жизнь в полный хаос.

«Обманщик» исследует знакомые зингеровские темы – эмиграцию, отчаяние, адюльтер и творческий ум – с сугубо личной точки зрения. Это шедевр экзистенциального страха, религиозных исканий и психологических импульсов, столкновение остатков традиции еврейских *шtetтлов* с манхэттенскими улицами Америки времен Второй мировой войны. Это роман идей, насыщенный еврейской иронией и укорененный в реальности Холокоста. Он выявляет, сколь необходимо людям отыскать в вере собственный путь вперед и сколько лжи они, чтобы выжить, внушают себе и другим. Зингер создает целый лабиринт персонажей, обрисованных с мрачным комическим реализмом, чтобы показать, какую цену человек платит за предательство. «Обманщик» в куда большей степени, чем любое из произведений Зингера, опубликованных при его жизни, напрямую затрагивает душевное нездоровье, депрессию и отчаяние. Кроме того, роман исследует проблему успеха, в том числе его опасности и сомнительность, воздействие эмоционального насилия, гнет эмигрантского опыта и неукротимую человеческую потребность в соблазне, фантазии и спасении. Выставляя на обозрение нездоровые элементы человеческого желания, которые движут человеческими отношениями и разрушают их, Зингер в «Обманщике» никоим образом не оправдывает сластолюбие, шовинизм или предательство. Этот роман о страсти и нарциссизме, об оптимизме и нигилизме отражает весь спектр эмоций и поведения и раскрывает парадоксальную связь между человеческой трагедией и жаждой жизни.

«Обманщик» – один из самых исповедальных романов Зингера, но все же это художественное произведение, плод писательской фантазии, а значит, читателям следует остерегаться прямых сопоставлений с жизнью автора. Тем не менее он затрагивает слухи об изменах Зингера, часто упоминаемых в книгах, статьях и документальных кино-и телефильмах о его жизни, в большинстве, однако, остающихся туманными и неподтвержденными. Точно известно, что в жизни Зингера не обошлось без определенных любовных историй. И, несомненно, недокументированных было отнюдь не мало. Однако же дело дошло до инсинуаций, что он якобы держал, по его собственному выражению, «гарем переводчиц», которые вдобавок были его любов-

ницами. Конечно, мысль привлекательная, и на бумаге она звучала хорошо, хотя, пожалуй, во многом отражала стремление принять желаемое за действительное. Зингер обладал необычайно буйным воображением и в своих книгах зачастую воссоздавал и бесконечно варьировал одно и то же воспоминание. Это отчетливо заметно в рассказах о его варшавском детстве, где сходные эпизоды пересказываются с разными целями и трактуются по-разному в зависимости от жанра. Впечатление, что Зингер хвастает своей неразборчивостью, нередко коренится в его фантазии, а не в реальности. Без сомнения, он никогда не хранил верность жене и использовал свое положение, чтобы привлекать поклонниц, но в «Обманщике» читателей встречает художественное отражение его поступков, безжалостно самокритичное и уничтожающее. В романе вопрос верности выходит за пределы одного персонажа, за границы полов, являя собой совесть и сознательность человека, который предаст не только жену, но каждого, кто любит его и кого любит он – в том числе и в особенности его самого.

Недавнее разоблачение многолетнего неправомерного сексуального поведения, домогательств и насилия со стороны лиц, облеченных властью, раскрыло также роль сексуальности в межличностных отношениях. Секс на рабочем месте – о нем не расскажешь, о нем молчали, и в итоге создалась среда, где реальные случаи насилия можно было проигнорировать или утаить. Культура, табуирующая ту или иную тему, оказывается не способна высказаться о насилии над собой. А вот Зингер, который никогда не претендовал на верность своим любимым, сумел описать в своих романах и эмоциональные импульсы, и цену неверности. Как размышляет в «Обманщике» Герц Минскер: «Психоанализ <...> в лучшем случае может поставить диагноз. Но не обеспечит лечение. Герц – яркий тому пример. Нет такого удовольствия, что бы решило его проблемы. Ему в жизни необходимо напряжение. Он должен испытывать кризисы. Заводить любовные романы. Гоняться за женщинами, как охотник гоняется за добычей. Каждый день должен приносить новые игры, новые драмы, новые трагедии и комедии, иначе он погибнет от духовной цинги». Конкретно в этих строках нет ни слова о психологическом или эмоциональном состоянии человека, о котором идет речь. Но оно в них присутствует, и Зингер, несмотря на собственные поступки (а может быть, как раз благодаря им), оказался способен не только описать это состояние духа, но и выразить моральный конфликт, какой оно создает для персонажа романа, и ущерб, какой оно наносит всем окружающим людям.

Литература на идише, то есть литература восточноевропейских евреев, всегда находилась на стыке Востока и Запада, соединяя литературные традиции всей Европы с семитскими основами своего алфавита и религиозных текстов. «Обманщик» являет собой художественное преломление этих традиций в персонажах, вовлеченных в наследственные культурные баталии – между Просвещением европейского толка, с одной стороны, и древней еврейской традицией – с другой. Это заметно во множестве религиозных цитат, которые Зингер нередко вычеркивал в окончательной редакции других своих произведений, но в машинописном экземпляре этой книги оставил пробелы для перевода. В оригинальном тексте на идише эти фразы приведены на древнееврейском и арамейском, и даже многие говорящие на идише, читая книгу Зингера, вероятно, в лучшем случае имели весьма смутное представление об их смысле. При подготовке рукописи к печати я перевел эти цитаты на английский, но оставил их без сносок – как в оригинале. Зингер включал свои религиозные познания в текст так же деликатно, как и свою трактовку западной философии и тонких нюансов человеческой души.

Стремление показать в литературе мрачные реальности представляет собой часть западной литературной традиции, и «Обманщик» не исключение. Ситуация, когда Эдип предпочитает на кушетке психоаналитика разобраться в своем отношении к родителям, вместо того чтобы убить отца и жениться на матери, способствовала бы улучшению реальности. Но сделала бы литературу бесплодной. Мы читаем литературу не только затем, чтобы найти образцы для подражания, но и затем, чтобы выработать язык для наиболее сложных аспектов нашего опыта в мире. В некотором смысле сам принцип психоанализа заключается в необходимости *погово-*

*р*ить об Эдипе как о трагедии, а не претворять его трагедию в собственной жизни. «Обманщик» тоже исследует поступки и психические состояния, в реальности не всегда приятные или желательные. Но этот роман честно раскрывает как причины, так и последствия пренебрежения собственным эмоциональным и психологическим отчаянием. В жизни Зингер не был лоялен к очень многим людям, но если был вообще к кому-то лоялен, то к своим читателям, раскрывая в литературном вымысле этот аспект себя. Без вымысла, дающего нам возможность говорить о наименее привлекательных сторонах человеческой натуры и демонстрирующего цену ущерба, нанесенного себе и другим, наше общество так и останется лишено слов и образов, необходимых для обсуждения наиболее вредных его элементов. В очередной раз оно упустит возможность найти конструктивные способы выявить «духовную цингу», которая во все времена одолевала и одолевает столь многих.

Давид Штромберг, Иерусалим

Глава первая

1

По приезде все они твердили одно и то же: Америка не для меня. Однако мало-помалу устраивались не хуже, чем в Варшаве.

Моше – или Моррис Калишер – занялся недвижимостью и быстро смекнул, что здесь от специалиста требуется ничуть не больше, нежели дома, в Варшаве. Покупаешь дом и собираешь квартирную плату. Часть дохода используешь на ипотеку и на прожитие, а остального вполне хватало, чтобы выплатить первый взнос за другой дом. Главное – начать, и первый свой дом Моррис Калишер купил еще в 1935-м. Удача его не покинула.

Беженцы говорили, что в бизнесе Моррис Калишер как рыба в воде. Он по-прежнему любил черкать цифры на скатертях и записывать адреса на манжетах. И в манере одеваться оставался новичком-иммигрантом. Носил жесткие воротнички, рубашки с крахмальными манжетами, ботинки с гетрами – даже летом – и шляпу-дерби, хотя все это давным-давно вышло из моды. В черном галстуке всегда красовалась жемчужная булавка. По-своему он начал подлаживать Нью-Йорк под Варшаву.

Вместо того чтобы обосноваться в кафе «Бристоль» или в «Лёрз», Моррис Калишер стал завсегдатаем одного из кафетериев. Пил черный кофе из стакана, а не из кружки. Даже нашел человека, который его обслуживал, потому что терпеть не мог таскать подносы, он же не официант. Курил сигару, ковырял зубочисткой в ухе и прихлебывал черный кофе, а в голове меж тем роились планы. Н-да, улицы в Америке впрямь вымощены золотом. Надо только знать, как его извлечь.

Америка находилась на грани войны. Цены на товары стремительно росли, а получить кредит в банках было несложно. Моррис Калишер даже подсчитал, что рано или поздно акции пойдут вверх. По-английски он пока не говорил, но газеты уже читал и имел представление о происходящем на Уолл-стрит.

– Слушай меня и забудь свои глупости, – внушал он своему другу Герцу Минскеру. – Займись бизнесом, как все евреи. Запомни мои слова: надо лишь сделать первый шаг. Фрейдом на жизнь не заработаешь.

– Ты прекрасно знаешь, что я не фрейдист.

– А какая разница? Фрейд-шмейд, Адлер-шмадлер, Юнг-шмунг. Все это гроша ломаного не стоит. На эдипов комплекс даже луковицы не купишь.

– Если ты не перестанешь талдычить про психоанализ, нашим отношениям конец!

– Ладно, не собираюсь я лезть в твою науку. В таких вещах я профан, что правда, то правда, зато я человек практичный. В Америке необходимо измениться. Здесь раввин и тот должен стать бизнесменом. Ты можешь быть вторым Аристотелем, но, коли умрешь в чьей-то квартире, никто и внимания не обратит. Даже Мессии, приди он в Нью-Йорк, пришлось бы сообщить об этом через газеты.

Ростом Моррис Калишер был невелик, широкоплечий, с непомерно большими ногами и руками и очень крупной головой, в Польше таких называли рахитиками. На лысом черепе торчали редкие пучки волос. Высокий лоб, горбатый нос, толстые губы, короткая шея. На кончике подбородка Моррис Калишер оставил символическую бородку – знак, что не совсем отрекся от своего еврейства. Глаза большие, черные, навывкате – телячьи.

По происхождению он был хасидом и в юности учился в гурской ешиве¹ и в общине сохачевского раввина. Женился на девушке из богатой семьи, но через несколько лет жена умерла, оставив ему сына и дочь, которых Моррис нарек Лейбеле, в честь своего деда по отцу, и Фейга Малка, в честь ее бабки по матери. Правда, сами они называли себя Леон и Фаня. Леон учился в Швейцарии, в Цюрихе. И вот-вот станет инженером-электриком. Двадцатидвухлетняя Фаня, бывшая студентка Варшавского университета, записалась на несколько курсов в Колумбийском университете. Из отцовского дома она съехала, поселилась в отеле, потому что не могла ужиться с мачехой. Свое имя она американизировала и теперь звалась Фанни.

Вторая жена Морриса Калишера, Минна, клятвенно заверяла, что относилась к Фане лучше, чем родная мать. Всем ради нее жертвовала, а девчонка отплатила за добро злом. Моррис знал, это правда. Дочь выросла угрюмой, замкнутой, такая еврейка-антисемитка. К отцу она относилась с откровенной насмешкой. И уже предупредила его, что за еврея замуж не пойдет, и Моррис Калишер впервые в жизни вlepил ей затрещину. Вскоре после этого она и съехала. Каждую неделю он почтой посылал ей чек.

Сейчас он говорил Герцу Минскеру:

– Не хочешь становиться бизнесменом – открой практику. Сумасшедших в Нью-Йорке хватает.

– Тут нужна... эта... как ее... лицензия.

– Так ведь ты учился. Ты же ученик Фрейда.

– Нужно сдать экзамен.

– Разве для тебя это проблема?

– Английский мне дается с трудом. Вдобавок я не хочу тратить силы на дам с Парк-авеню. Это не мое.

– Чего же ты хочешь? Луну и звезды?

– Оставь меня в покое. Не могу я начинать карьеру в разгар всемирной катастрофы. Гитлер – это не шутки. Это сам архидьявол, сам демон Асмодей явился истребить последнюю искру света: с одной стороны он, а Сталин, да будет стерто его имя, – с другой. Если тебе по душе сравнения, то это война меж Гогом и Магогом. Камни с неба пока не падали, но что такое бомбы? В Польше евреи в страшной опасности. Кто знает, что случится здесь? В таких обстоятельствах я не могу сидеть и слушать жалобы скучающей американской кумушки, которая в свои семьдесят сокрушается, что сорок лет назад не обманула мужа! Прошу тебя, не зови меня психоаналитиком. Для меня это величайшее оскорбление. Словно нож в сердце.

– Боже сохрани, я вовсе не хочу тебя огорчать. Ты же знаешь, как я тебя люблю. Мне просто жаль твою жену. Каково ей так жить. Ведь, что ни говори, она привыкла к роскоши.

– Я ее не неволил. Она заранее знала, на что идет.

– Все-таки мужчины породой покрепче. Мы честолюбивы, у нас есть свои фантазии, свои... ну, скажем, глупости. Женщины больше зависят от мелочей. Вот окна у вас выходят на стену. И я тысячу раз предлагал тебе взять квартиру в моем доме. А теперь все уже сдано.

– Не хочу я, не хочу. И она тоже не хочет. Ты помог нам приехать сюда, и этого достаточно. Не хочу быть вымогателем. Кстати, сегодня она вышла на работу.

– О! Куда же?

– На фабрику.

– Дрянь дело. Это не для нее.

– Я ее не заставлял. Она сама так решила. Я ее обо всем заранее предупредил. А что еще можно сделать, кроме как предупредить? Ведь и сам ничего толком не знаешь. Вчера мне приснилось, что случился жуткий взрыв и все небоскребы рухнули. Все было настолько

¹ Ешива – еврейское религиозное учебное заведение. (Здесь и далее примечания переводчика.)

реально, будто произошло наяву. Эмпайр-стейт-билдинг раскачивался, словно дерево в бурю. Всего лишь сон, но он покоя мне не дает.

– Нью-Йорк им не разрушить.

– Почему? Иерусалим тоже был красивым городом. На все воля Божия. Обычно наверху решают в пользу варваров. Почему на сей раз должно быть иначе? Может, в самом деле настал конец света.

– Но куда жизнь должна продолжаться. Я закажу тебе стакан кофе с пирогом.

2

Герц Минскер был высокого роста, стройный, бледный, на год-другой моложе Морриса Калишера. Длинные каштановые волосы вокруг плешивой макушки. Все в нем какое-то узкое: череп, нос, подбородок, шея. Лоб высокий, раввинский. Серые глаза за стеклами роговых очков смотрели полувстревоженно-полуудивленно и как бы не вполне сознавая, где он или с кем говорит. Годами он кочевал из одного большого города в другой: Варшава, Берлин, Париж, Лондон – и, где бы ни был, совершенно не умел ориентироваться. Никогда не знал, как пройти к гостинице, где остановился, или к трамваю, который довезет его до дома. И ни на одном языке, кроме идиша и крох древнееврейского, говорить толком не научился, хотя писал книги на немецком, французском и русском и учился в нескольких университетах, не получив степени.

Моррис Калишер прозвал Минскера вечным школяром. Минскер всегда ходил с портфелем, набитым книгами и рукописями. Без конца делал записи в блокноте. Словно бы годами работал над каким-то шедевром, который поразит мир, однако пока что ни к чему не пришел.

Кочуя из города в город и копаясь во всевозможных библиотеках и архивах, Герц Минскер умудрился четыре раза жениться, а заодно затевал неведомо сколько любовных шашней.

Моррис Калишер познакомился с Герцем Минскером, когда тот еще носил цилиндр и пейсы до плеч. Отец Морриса Калишера обращался за советом к отцу Герца Минскера, пильзенскому цадику², слывшему упрямым и каббалистом. Трижды он женился и трижды развёлся. Герц родился в первом браке, и где-то у него были братья и сестры, которых он никогда не видел.

За долгие годы Моррис Калишер и Герц Минскер то расходились, то опять сближались, потом снова расходились и вновь встречались в одной из европейских столиц. И всякий раз, когда Моррис Калишер встречал Герца, тот находился в сложном положении. У Герца была примечательная способность попадать в передраги, для других совершенно непостижимые. Он влезал в долги, которые – если их не вернуть – стоили бы ему жизни. При встрече с Моррисом Калишером он всякий раз похлопывал его по руке и восклицал: «Тебя просто послало небо! Я все время думал о тебе. Это судьба!»

Он качал головой и возносил очи горё. Либо у него не было денег, либо истек срок действия паспорта или визы, либо он где-то в гостинице забыл рукопись, либо кто-то по неведомой причине донес на него в полицию и ему грозила депортация. Главным источником неприятностей был тот факт, что родился Герц Минскер в России, куда его отец временно бежал, и после русской революции в силу целого ряда формальностей и сложностей он жил по нансеновскому паспорту³. Был человеком без гражданства. Вечно забывал возобновлять визы и всюду жил нелегально. Заводил романы, использовал вымышленные имена. Где-то в Варшаве у него была дочь. В Авиньоне он крутил роман с армянкой, вдовой еврея-сефарда, она забеременела и родила ему сына.

Обычно Герц Минскер говорил о себе так: «Я обманщик! Тебе, Мошеле, известна эта горькая правда».

Но Моррис Калишер знал также, что Герц Минскер – ученый, специалист по философии и, на свой лад, большой знаток языков. У него есть письма от Фрейда. В свое время предисловие к работе Герца Минскера, которая так и не вышла в свет, написал Бергсон. Герц был знаком с Альфредом Адлером, Мартином Бубером и целым рядом других мировых знамени-

² Цадик, или ребе – лидер общины хасидов.

³ Нансеновский паспорт – международный документ, который удостоверял личность держателя и впервые начал выдаваться Лигой Наций для беженцев без гражданства.

тостей. Моррис Калишер видел его статьи в еврейских антологиях, в немецких и французских публикациях.

Моррис Калишер гордился отличной памятью – он до сих пор дословно помнил многие страницы Гемары, однако Герц каждый раз поражал его своей эрудицией. Он без преувеличения знал Талмуд наизусть. Помнил целые разделы Книги Зоар, цитировал стихи древних греков и латинян. А если говорить о хасидизме, Герц знал каждого цадика от Баал Шем-Това по сей день.

Моррис Калишер всякий раз диву давался: каким образом мозг способен вобрать столько сведений? И как такой ученый и философ может путаться с женщинами всех мастей и увязать в неприятностях, как какой-нибудь дурень? Загадка усугублялась тем, что сам Герц считал себя человеком религиозным. Он создал себе нечто вроде индивидуальной религии. Курил в Шаббат, но постился в День всепрощения; ел некошерное, но надевал филактерии; очень высоко ценил Иисуса, но был склонен к анархизму. Однажды Моррис Калишер сказал Минне: «Кто таков Герц Минскер, ведомо лишь Всевышнему. И порой я сомневаюсь, что даже Ему».

Герц Минскер приехал в Нью-Йорк в 1940 году и привез с собой жену, которая в Варшаве оставила мужа. Моррис Калишер знал ее мужа – успешного коммерсанта, человека благородного, отпрыска богатой семьи. Впрочем, Моррис Калишер уже привык не задавать Герцу Минскеру вопросов.

В Нью-Йорке Герц плутал точно так же, как и в других больших городах, и заработать здесь на жизнь оказалось для него еще труднее. С самого первого дня он жаловался, что нью-йоркская атмосфера повергла его в шок. Хоть убей, не мог он отличить Верхний Манхэттен от Нижнего, а когда ехал на метро, всякий раз совершал нелепые ошибки, в которых даже оппонент Фрейда усмотрел бы воздействие подсознательного – противоречие сил, подрывавших его изнутри.

Его буквально преследовали всевозможные злоключения. Он забывал портфель в лифте. Потерял очки, каких, по его утверждению, в Нью-Йорке не сделаешь. В свое время мог без труда получить иммигрантскую визу в Соединенные Штаты. Но вместо этого приехал туристом, и теперь визу надо было продлевать. Чтобы получить постоянную визу, пришлось бы сначала ехать в Канаду или на Кубу. Но для поездки туда опять-таки требовалась виза.

Сейчас пуэрториканец, который мыл в кафетерии полы и которого Моррис Калишер выбрал себе в официанты, принес Герцу Минскеру яичное печенье и стакан кофе. Герц закивал головой и зашевелил губами, будто читая благословение.

– Я не голоден и пить тоже не хочу, – сказал он.

– Ничего, тебе не повредит.

– Какой смысл набивать желудок? – произнес Герц, обращаясь не то к Моррису Калишеру, не то к себе. – Я завидую Ганди. Он единственный мудрец нашего времени. В конце концов этот человек вообще перестанет есть. Еда – дело коров. Любовь – нечто совсем иное. Ее сущность духовна. Вот почему я не верю во все эти правила. Дух не обуздаешь. Истина в том, что мужчина может любить десяток женщин и быть верен каждой всем сердцем и всей душой. Люди не могут признать сей факт, ведь он отдает пацифизмом. Потому-то они так любят войну.

– А при чем тут вообще все это?

– Тут существует связь.

3

Моррис Калишер надолго в кафетерии не задержался – у него была встреча с каким-то лавочником. Он предложил Герцу выйти вместе, тогда он оплатит и его чек, но на сей раз Герц отказался.

– Посижу еще немного, – сказал он.

– И что думаешь делать? Прочтешь молитву над рисовым пудингом?

– Хочу кое-что записать.

– Что ж, воля твоя. Вот, держи парочку долларов. Сам расплатишься по чеку.

– Мне не нужны деньги.

– Бери, бери! Никогда не зарекайся! – пошутил Моррис Калишер. – И не забудь, ты и твоя милая жена приглашены на завтрашний вечер. Минна уже столько всего накупила...

– Спасибо.

– Не потеряй чек, ведь коли потеряешь его здесь, придется тебе покончить с собой.

Моррис Калишер пошел к выходу. По дороге вручил пуэрториканцу четвертак. И сказал себе: «Блестящий человек, но и неудачник первостатейный. Как бы не влип куда здесь, в Америке, а то ведь дорого заплатит».

Прежде чем покинуть кафетерий, Моррис Калишер украдкой оглянулся. Герц уже достал из нагрудного кармана блокнот и авторучку и торопливо что-то черкал на странице. Писал он вот что: «Лейбниц ошибался. У монад *есть* окна. И даже ставни». Слово «ставни» он трижды подчеркнул.

Герц полистал блокнот. Одна страница была заполнена телефонными номерами. У него была необъяснимая привычка записывать номера буквами идиша, а имена помечать только инициалами. Он прошел к телефону, бросил монетку, набрал номер.

И тотчас услышал женский голос:

– *Bitte? Proszę?* Алло?

– Миннеле, это я.

Секунду оба молчали.

– Ты где? – наконец спросила Минна.

– В кафетерии. Привет тебе от мужа. Он ушел, а я остался. Пошел встречаться с каким-то лавочником.

– С каким лавочником?

– Я не спрашивал.

– Зайдешь?

– Вообще-то несколько рискованно.

– Поспешу. Я видела странный сон. С тех пор как ты появился в моей жизни, меня преследуют безумные сны! Мне приснился День радости, и я махала ивовыми ветками. Одна никак не хотела сбросить листья. Я махала изо всех сил, но они не опадали. Глядь, а она прямо на глазах превращается в пальмовую ветку с плетеной подставкой для мирта и прочего. Я держу в руках *этрог*⁴ и вижу свою мать, да почиет она с миром, одетую в белое. И лицо у нее тоже белое. Не как у живой, но как у покойницы. Я испугалась, а она говорит: «Миннуш, откуси верхушку плода».

– Ты откусила?

– Нет, я проснулась.

– Все это связано со мной.

⁴ Этрог – цитрус, похожий на большой лимон.

– А то я не знаю! Ты повсюду. Разговариваю с ним, но на самом деле с тобой. Иногда мне кажется, будто я и говорю, как ты. Даже опасаясь, как бы он не заметил, но у него в голове один бизнес. Этот человек хочет стать в Америке миллионером, вот что я тебе скажу. Прошлой ночью он до часу не спал, все рассказывал про свои сделки. Фабрику открыл.

– Было бы жаль бросить такого мужа.

– А что я имею от его денег? Иди сюда. Каждая минута на счету.

– Я возьму такси.

– Поцелуй меня! Вот так! Еще раз! Не жадничай!

Герц Минскер повесил трубку. Поспешно открыл дверь телефонной будки, чтобы впустить немного воздуха. Почесал баки.

– О-хо-хо, опять я заварил кашу! – пробормотал он и подвел пророческий итог: – Меня ждет падение!

Внутри его постоянно высказывалось некое другое существо, этакий язвительный моралист. Герц Минскер называл его «мой проповедник», в честь ангела, который посетил ночью великого талмудиста раввина Иосефа Каро⁵.

Герц принялся искать в заднем кармане монетку. Он обещал позвонить Аарону Дейхесу, художнику, но мелочи не нашлось. «Ладно, позвоню из дома Морриса», – решил он.

Он вышел из будки, шелковым платком утер пот. Хотя все эти годы Герц Минскер мыкал нужду, одевался он дорого. Считал, что покупать дешевую одежду невыгодно, поскольку по натуре был аккуратистом и мог годами носить один костюм. И ботинки его тоже не ведали износу. На нем был серый пиджак, лакированные туфли, широкий артистический галстук и широкополая велюровая шляпа.

Взяв портфель, он направился к выходу и к кассиру. Но внезапно остановился, сообразив, что чека нет. Вернулся к столику, но чека там не нашел. «Впору застрелиться», – подумал он.

Прошел к телефонной будке, но там звонили, пришлось ждать. Герц Минскер уже много лет не носил бороды, но сохранил привычку скрести подбородок и грызть несуществующие волоски. «Я же отрываю себя от этого мира и от близких! Моррис этого определенно не заслуживает. Тьфу!»

Будка наконец освободилась, и Герц Минскер нашел на полу свой чек. Расплатился и вышел на улицу. Быстро поймал такси, назвал водителю адрес Морриса Калишера.

Сидя в машине, Герц Минскер размышлял о резонах, по каким живешь с женщиной. Брак – вопрос социального окружения. Официальные узы не более чем условность. В их основе всего лишь принцип собственности, пережиток времен, когда жена считалась чем-то вроде вола или осла. Но с тех пор как рабство отменили, жена уже не была чьей-то собственностью. Герц многие годы тосковал по такой, как Минна. Помимо всего прочего, она готова *действовать* ради него. Броня как женщина, увы, была сломлена. «Я совершил ошибку! Ужасную ошибку! Хотя, по крайней мере, спас ее от смерти. В Польше она наверняка бы погибла».

Такси остановилось. Моррис Калишер жил на Бродвее, в районе Семидесятых улиц. Герц Минскер расплатился с водителем и на лифте поднялся наверх.

Во многом совершенно беспомощный, Герц Минскер весьма наторел в вопросах любви. Он всегда желал женщин, и физически, и духовно. Невзирая на сложности собственного положения, был постоянно готов к новому шансу. Это был его опиум, его карты, его виски. Герц Минскер полагал, что у каждого индивида есть главная страсть, ради которой отбрасываются все принципы и убеждения. Эта страсть номер один, по сути, судьба. Как говорил Ницше, она по ту сторону добра и зла.

⁵ Каро Иосеф (1488–1575) – испанский раввин, крупный авторитет и законоучитель, автор основополагающего кодекса предписаний Шулхан-Арух.

Минскеров психоанализ следовал тем же курсом: отыскать у пациента его страсть номер один, которую совесть в силу ряда причин и запретов иной раз отвергала. И отнюдь не всегда это был секс или жажда власти. К тому же в среднем возрасте случалось, что страсть номер один становилась номером два, а страсть номер два – номером один. Возникала своего рода душевная менопауза, порождавшая ужасный кризис, поскольку обе страсти единоборствовали за первенство.

Он позвонил, и Минна тотчас открыла. Стояла, глядя на него, пухленькая, среднего роста. Черные волосы собраны в пучок, в ушах покачивались длинные серьги. При угольно-черных волосах она была светлокожей. Черные глаза, длинноватый нос, полные губы. На шее старомодная цепочка с подвеской, доставшейся ей в наследство от бабушки. Бюст слегка великоват, но Минскеру нравились большие груди. Руки и ноги мягкие и нежные – раввинские руки.

По женским стандартам Минна была женщина ученая. Знала древнееврейский и писала стихи на идише, которые издатели – до сих пор – отвергали. Порой даже писала пейзажи. Говорила она наполовину как современная дама, наполовину как ребецин⁶.

– Наконец-то! Ну что ты стал? Входи. Рада тебя видеть!

И она раскрыла объятия.

⁶ Ребецин (*идиш*) – жена раввина.

4

Они долго целовались – губы влекли – и стояли как бы в безмолвной молитве, погруженные в благочестие любви. Руки Минскера лежали на бедрах Минны, словно на кафедре. Хотя по многим аспектам он расходился с Фрейдом и чувствовал, что Фрейдовы теории изобилуют ошибками и недоразумениями, но все же признавал, что либидо играет огромную роль – пусть и по совершенно иным причинам, нежели те, что выдвигал Фрейд. В сущности, Фрейд на свой лад был рационалистом. В человеческих эмоциях ему виделись не более чем пережитки первобытности, камень преткновения для культуры. В этом плане он был близок Спинозе, который считал эмоции едва ли не избыточными, этакой накипью творения. Минскер был и остался каббалистом. Каббала – вот подлинный пантеизм. Злой дух целиком и полностью относителен.

Немного погодя Минна оторвалась от него.

– Ох, я уже совершенно задохнулась!

Лицо у нее разругалось, по-молодому, как у девушки после первого поцелуя.

– Ты долго можешь вот так целовать? До скончания века?

– Тебя? Вечно.

– Ладно, входи, садись. После встречи с тобой мне хочется жить вечно.

– Вообще-то человек и живет вечно.

– Это ты так говоришь. Но когда видишь, как кого-нибудь хоронят, впадаешь в депрессию. Только вчера я ходила на похороны. Одной старой девы. Она вообще не знала любви. Какой смысл столько лет жить в одиночестве?

– Кому как на роду написано.

– Да, ты прав. Все предопределено. Оглядываясь на свою жизнь, я буквально вижу руку, что вела меня. Пока не появился ты, все стало как-то сереть. У меня вдруг пропала всякая надежда. Но потом мне был послан ты. Как только увидела тебя, я сразу поняла: вот оно. Я написала новые стихи.

– Прочти мне.

– Здесь, в передней? Идем.

Хотя Минна писала стихи, занималась живописью и читала серьезные книги, с домом она управлялась великолепно. Моррис Калишер восхищался ее домовитостью. Первая его жена всегда была весьма неряшлива, притом что держала прислугу, и не одну. Минна держала единственную прислугу, которая приходила дважды в неделю, но в доме все сверкало. Герц Минскер тоже восхищался Минной. Сравнивал ее кухню с аптекой. Полы в комнатах блестели как зеркало. Свежие цветы в вазах источали сильный аромат. Снаружи царил зной, однако здесь было прохладно и дышалось легко. Окна выходили не на улицу, а во двор.

Минна взяла Минскера за руку и провела в столовую.

– Что тебе дать?

– Тебя самое, и только.

– Апельсиновый сок со льдом? Может, холодного компота? Или булочку с ягодами и кремом?

– Ничего не надо. Я только что поел.

– Чего ты боишься? Люди вроде тебя не толстеют.

– Я сыт.

– Рядом со мной ты всегда должен быть голоден.

– Не могу я сейчас ни пить, ни есть.

– Ладно, может быть, попозже. Стихи тебе не понравятся. Но они создают настроение. С тех пор как ты рассказал мне про автоматическое письмо, я начала писать автоматически.

Кладу руку с карандашом на бумагу, и все происходит как бы без моего ведома. Ты будешь смеяться, но мне хочется писать зеркально – слева направо, как иноверцы.

– Может, контроль у тебя?

– Это что за напасть?

Минскер объяснил, что контроль – это духовный посредник. Затем Минна прочитала ему стихи.

– Превосходно! Шедевр!

– Ты так говоришь. Издатели опять вернут со штемпелем «отклонено».

– Будем издавать собственный журнал.

– Ладно, на все воля Божия. С тобой я что угодно сделаю. Раз ты хочешь журнал, будет тебе журнал. Звучит, наверно, банально, но ты подарил мне крылья. Я иногда читаю стихи Моррису, просто чтобы услышать, как они звучат в моем собственном прочтении. Ему нравится, но он не знает почему. Для него все наука: и сочинение стихов, и ведение бухгалтерских книг. Он милый, но примитивный. С тех пор как встретила тебя, я не могу понять, как жила с ним столько лет и даже терпела выходки его дочери. Слава богу, она от нас съехала. Если она, боже упаси, вернется, я соберу вещи и сбегу. Чем тебе понравились стихи?

– Верой.

– Да, я верующая. Всегда была верующей. Но благочестие Морриса меня раздражает. Так можно, а так нельзя. Ладно, но то, что делаем мы, безусловно грех.

– Для одного грех, для другого же благодеяние.

– Меня это мучает. Я не могу смотреть ему в лицо. Добро бы я изменяла мужу, который был ко мне жесток, как тот другой, Кинский, но разве Моррис виноват, что нет у него твоей духовности? Ты для него как величайший раввин. Он так тебя расхваливает, что порой мне просто невмоготу. По правде, он все время говорил о тебе, еще до твоего приезда в Америку, и я дожидаться не могла твоего появления.

– Впервые слышу.

– Я уже говорила тебе.

– Что ж, мужчины часто так делают. Да и женщины тоже. Когда-то у меня была подружка, которая день и ночь говорила о своей подруге. Та училась в Италии, и моя девушка писала ей длиннущие письма обо мне. Результат не заставил себя ждать – ведь это вроде как сватовство. Горячее желание разделить любовь.

– У меня, слава богу, такого желания нет. Я хочу обладать тобой единолично. Наверно, я эгоистка.

– Рахиль и Лия эгоистками не были. Одна отдала Иакову Валлу, другая же – Зелфу.

– И он согласился, этот праведник? Ох, Герц, что же нам делать?

– Ты знаешь что.

– Я хочу быть с тобой. Только с тобой. Как ты поступил со своей женой?

– Она пошла работать на фабрику.

Минна покачала головой, как бы говоря «нет».

– Что за фабрика?

– Просто фабрика. Сетки для волос или что-то в этом роде.

– И ты ее отпустил?

– Она сама так решила.

Минна задумалась:

– Знаешь, Герц, я завидую, что ты ее муж, но работа на фабрике не для нее.

– Я ее не заставлял.

– Нам надо рассмотреть ситуацию в целом и трезво все обсудить. Ой, завтра вы у нас ужинаете.

– Она вернется домой только к шести, – сказал Герц.

– Ну, я не уверена, что она выдержит больше одного дня. Я тоже пыталась устроиться на работу, когда приехала сюда, но в Америке, когда женщина ищет работу, к ней относятся еще хуже, чем в Польше. Бедность тут – самый страшный позор. Один учитель как-то рассказал мне, что изучал с детьми Пятикнижие и кто-то из мальчиков спросил у него, получал ли Моисей жалованье или имел собственный бизнес. Вот тебе Америка. И каков же подлинный ответ?

– Они питались манной.

– Да ладно. Ты – моя манна. Я тебя съем. Расскажу Моррису. Ты слушаешь или нет? Что он со мной сделает? Я тоже вправе любить кого-нибудь.

– Ничего не предпринимай без моего ведома!

– Чего ты боишься? С кнутом он на тебя не пойдет. Если ты вправду любишь меня, то должен найти выход. В Америке мы не пропадем. На худой конец, я тоже кое-что умею.

– Что, например?

– Торговать недвижимостью.

Глава вторая

1

Было без малого пять, когда Минскер покинул дом Морриса Калишера. Утром Бродвей казался свежим. Фрукты, выставленные перед магазином, и те выглядели только что сорванными, каждый плод словно покрывала роса. И улица была с виду довольно чистой. Но сейчас Бродвей как бы изнемог от зноя, устал жариться на солнце. Мостовые усеяны вечерними газетами, которые – хотя только что вышли – уже утратили новизну. Воздух пропах бензином. Душная вонь поднималась из решеток метро, словно из подземного крематория. Визжали покрышки автомобилей. Люди уныло плелись по тротуарам, рубашки мужчин обвисли, платья женщин промокли от пота. В оловянном небе рокотал одинокий аэроплан. Возле киоска, декорированного искусственной травой и узорами из кокосовой скорлупы, толпы прохожих освежались холодными напитками. Газетчики выкрикивали заголовки о разбомбленных городах, уничтоженных поселках, побежденных армиях. Линия Мажино, на которую французы и все цивилизованные народы возлагали столько надежд, уже была прорвана. Теперь ее пушки целились в противоположном направлении.

Минскер прошел несколько шагов, остановился, продолжил путь. «Это Америка? – спросил он себя, будто только что спустился по трапу. А немного погода добавил: – Это мир? Это я?»

Что-то внутри его смеялось. Мальчиком он мечтал стать вторым ребе Нахманом, Брацлавским цадиком. Постился, глотал еду не жуя, ждал прихода Мессии или сам хотел стать Мессией.

– Я просто подлец! – сказал он вслух. – По сравнению со мною Шаббетай-Цви сущий праведник.

Свидание с Минной принесло ему удовлетворение, какого он с давних пор не испытывал. Священные слова она пересыпала непристойностями, говорила вещи, возбуждавшие его дух. Подобно ему, она являла собой странную смесь безгрешности и нечистоты. Встреча с нею была религиозным переживанием.

Но когда возбуждение улеглось, пришла депрессия. Все причины, какие он изобретал, чтобы согрешить с женой Морриса Калишера, развеялись как дым. Все клятвы и обещания, какие они давали друг другу в минуты страсти, казались пустыми словами. Он жил в Америке по туристической визе. Не имел работы. Фактически существовал на то, что давал ему Моррис Калишер. Броня ради него оставила мужа и двоих детей. Плакала по ночам. Пошла работать, чтобы слать им посылки в оккупированную нацистами Варшаву.

Где предел его злодействам? Намного ли он лучше Гитлера? В сущности, Гитлер – итоговая сумма миллионов анонимных мерзавцев вроде Минскера. Простая арифметика.

Жарища, но его пробрала дрожь. Он остановился у витрины магазина с ортопедическими ботинками и пластмассовыми муляжами изувеченных ног, готовый прямо здесь и сейчас обдумать свою проблему и принять решение. Самоубийство? К этому он пока не готов. Жажда жизни и стремление увидеть конец всемирной драмы превозмогали все фантазии. Необходимо получить постоянную визу. Найти какую-нибудь работу. Тянуть деньги из Морриса Калишера – позор, терпеть который ему совершенно неведомо. Он слышал, что иные беженцы шли работать на верфи или на заводы боеприпасов, но сам физическим трудом никогда не занимался. Его там засмеют. Кто-то посоветовал ему писать для еврейских газет, но идиш, каким они пользуются, изобилует английскими выражениями, и каждую мысль надо перекраивать под читателей. К тому же он им не подойдет. В заметке, сообщавшей о его приезде, ему фактиче-

ски нанесли оскорбление. Имя и фамилию переврали до неузнаваемости. Такова его судьба – не успел он добраться до места, а уже нажил врагов. Сплошная загадка, от начала и до конца.

Герц Минскер продолжил путь, поглядывая на все витрины, на все проезжающие мимо грузовики. Чего только в Америке не продают! В магазинах и обувь, и рубашки, и белье, и пироги, и опять обувь, опять рубашки. На грузовиках надписи: «Прачечная “Линкольн”», «Офисная мебель», «Мэйси», «Филлипс-ойл», «Резиновые продукты Коэна». «Кто такой этот Коэн? – спросил себя Минскер. – Каким образом он этак натерел в резиновом производстве? Отец-то его был, поди, судебным приставом где-нибудь в Эйшишках». Все и каждый нашли себе ремесло либо иное занятие. Жили добропорядочной жизнью: женились, растили детей, а теперь имели зятьев, невесток, внуков и грузовики, которые водили другие. Когда такой вот Коэн умирал, его жена наследовала миллионы плюс страховку жизни и вскоре сочеталась браком с каким-нибудь мистером Леви. На Рош-ха-Шана⁷ мистер Коэн садился в свой лимузин, ехал в синагогу, читал молитву в память об отце и жертвовал тысячи долларов на Святую землю. Пусть бедные евреи обрабатывают землю в Палестине.

«Нет, я бы не мог стать Коэном! – воскликнул про себя Герц Минскер. – В тот миг, когда родился на свет, я увидел все тщеславие из тщеславий. В пять лет я уже думал так же, как думаю сейчас. Это истинная правда. Я питался молоком матери и задавал вечные вопросы».

Герц Минскер шагал в направлении жилых кварталов. «История с Броней в самом деле была безумием, – не то бормотал он, не то думал. – Я все для себя уничтожил».

На Девяносто Шестой улице он вспомнил, что Броня велела ему купить фунт фарша. Теперь, когда пошла работать, готовить ей придется на скорую руку. Но где же тут мясная лавка? Может, где-нибудь дальше? Через дорогу он заметил лавку кошерного мясника. «Пусть будет кошерное, какая разница?» Он вошел в лавку, и в нос тотчас ударили запахи мяса, крови и жира. В витрине висели куры с разрезанным горлом и остекленевшими глазами. При виде подобной картины Минскер всегда нервничал. Раз-другой он пытался стать вегетарианцем, но даже тут ему недоставало силы воли. Через несколько недель, в лучшем случае через несколько месяцев он опять ел мясо, хотя считал это отрицанием гуманизма и религии, стыдом и позором всего человечества. Совесть так мучила его, что он даже спать не мог. «Что ж, я – тряпка! Самая настоящая тряпка!»

Но Броня, придя домой и не найдя свой фунт мяса, устроит скандал. Ее должно пожалеть, как голодную львицу или волчицу. В конце концов, виноват Бог, ведь Он сотворил животных, которым, чтобы выжить, надо убивать. О выборе здесь и речи нет. Либо принимаешь посыл, что так назначено высшими силами, либо – что в вышних сферах царит бюрократия, в точности как сказано в Псалтири: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд. Доколе будете вы судить неправедно?»

Минскер миновал Сотую улицу и через несколько кварталов свернул налево. Быстроглянул на Гудзон, который тянулся золотисто-серебряной лентой и отсюда казался узким, загустевшим и усталым от течения и бесконечных повторений – от тех же вещей, что свели с ума Ницше. Лифтер Сэм, краснолицый, с пьяными глазами. Он искал утешения в бутылке виски. Мать и бабушка закатили в лифт детскую коляску. В ней на розовой подушке лежала маленькая девочка. Кто-то растит новую Броню, свеженькую Минну. Как ни странно, ребенок не сводил глаз с Минскера. Улыбнулся ему беззубым ротиком и даже помахал ручкой. Мать и бабушка рассмеялись. Когда они выкатили коляску на пятом этаже, малышка вроде как помахала на прощание. Бабушка заметила Герцу:

– А вы пользуетесь большим успехом у женщин.

Минскер кивнул. Из вежливости хотел что-нибудь сказать, но в этот миг забыл те крохи английского, какие усвоил из словарей и из чтения шекспировской «Бури».

⁷ Рош-ха-Шана – первый день года, Новый год.

2

Своей квартиры у Герца и Брони не было. Они жили у вдовы, миссис Бесси Киммел, дантистки, которая увлекалась теософией, спиритизмом, автоматическим письмом, автоматической живописью, а также фотографированием призраков. Миссис Киммел владела большой квартирой. У Герца и Брони была отдельная комната и привилегии на кухне. Минскер познакомился с миссис Киммел на сеансе где-то в районе авеню Сентрал-Парк-Уэст. Из Европы он привез рекомендательные письма, адресованные нескольким ученым-психиатрам в Нью-Йорке. Но в рекомендациях не нуждался, поскольку в этих кругах его знали. Он опубликовал в американских журналах ряд статей по каббалистике, о диббуках⁸ и демонах, а также об истории дома с привидениями, которую расследовал лично. Читатели оккультных журналов имен не забывают.

Сейчас миссис Киммел дома не было, но у Минскера был свой ключ. Квартира дышала особой атмосферой. Минскер ощутил ее, едва открыв дверь. Здесь, посреди нью-йоркского гвалта, царила неестественная тишина. Дверь и стены едва ли способны создать такую изоляцию. Можно верить или не верить в медиумические силы миссис Киммел, однако в этой квартире витал ее дух. Чувствовалось и реальное присутствие иных сущностей. Ты буквально слышал томительное безмолвие сил, жаждущих заговорить, но обреченных на молчание. И это не игра воображения, твердил себе Герц Минскер. Ведь квартира полна электромагнитных лучей, несущих всевозможные дурацкие песенки, пустую коммерческую рекламу, джаз, нацистскую и коммунистическую пропаганду и невесть что еще, и все это было готово тотчас стать слышимым, когда кто-нибудь включит радио, – так почему бы здесь не быть и другим вибрациям? Поскольку время и пространство суть иллюзии и категории разума не имеют внешней субстанции, все это было в пределах возможного. Неудивительно, что Кант верил в Сведенборга и его чудеса.

Коридор был сплошь увешан автоматическими рисунками миссис Киммел: расплывчатыми силуэтами, фигурами птиц, масками, туманными лицами, восточными одеяниями, смутными вереницами платьев. Было здесь и изображение некоего животного с мордой свиньи и множеством глаз, похожего на Ангела смерти. Со стен глядели фантастические птицы, полулюди-полузвери, цветные мозаики, напоминавшие одновременно цветы и опухолевые разрастания. Миссис Киммел выработала собственную догму. Черпала из всех источников. Говорила с уверенностью, которая просто поражала Минскера. Рассказывала ему, как пришла к оккультизму. В детстве у нее был туберкулез, а вдобавок опухоль в почках. Доктора от нее отказались, но Бесси решила построить себе новый организм. Силой воли она реконструировала свое тело и снабдила его новыми органами, вроде как поменяла в комнате мебель. Дня не проходило, чтобы она не сообщала Минскеру весточку от небесных учителей, что руководствовали землею и на протяжении эпох исподволь подготавливали Царство Небесное. Миссис Киммел уверяла, что Минскер приехал в Америку не случайно, но послан сюда с миссией. Ей поручено передавать ему указания и интерпретировать все виды загадок, смысл коих может быть раскрыт лишь с горних высей.

«Ну а чем лучше вера в Гитлера или Сталина? – спросил себя Минскер. – Она ближе к истине, чем коммунисты и нацисты. По крайней мере, ее зрение обращено ввысь, а не книзу». Спohватившись, что в руках у него фунт мясного фарша, он прошел на кухню и убрал его в холодильник. На стенке ванны обнаружился таракан. Он пытался вползти вверх по белому фаянсу, но все время соскальзывал. Минскер хотел было смыть его, однако удержался. Миллионы евреев и неевреев становились сейчас жертвами жестокости тех, кто сильнее их, вот как

⁸ Диббук – душа умершего злого человека.

этот таракан. Чем Минскер был для таракана, тем нацисты и большевики были для евреев. «Я его спасу! – решил Минскер. – Дайте и мне сделать благое дело. Когда-нибудь оно мне зачтется». Он оторвал клочок туалетной бумаги, подождал, пока таракан заползет на него, а потом бросил бумажку на пол.

– Тебе суждено жить! – сказал Минскер таракану. – Однако не полагайся целиком на судьбу.

Герц Минскер прошел в свою комнату. Броня постаралась устроить все как можно лучше, но мебель была дешевая, обшарпанная. На обивке дивана красовалось большое пятно. На столе стояла фотография детей Брони – Кароли и Юзека. Личики обоих словно обвиняли Минскера. Весь день твердили: «Ты отнял у нас маму». Кароля и Юзек оказались теперь в Варшавском гетто и носили желтую звезду.

Минскер обычно говорил себе, что вот так все грехи человека будут явлены в геенне. Куда ни глянь, повсюду картины его проступков и страданий, ими причиненных.

Он лег на диван, прислушиваясь к движениям внутри. Страсти, огорчения и страхи колотили в нем, словно некая машина. Он приложил два пальца к правому запястью, мгновение прислушивался, глядя на циферблат наручных часов. Сердце билось слишком быстро. И временами словно пропускало удар. Вместо шестидесяти ударов в минуту – девяносто. Как всегда, навещая Минну, он изрядно угощался деликатесами – пудингами, компотами и пирогами – и чувствовал в желудке дискомфорт. Вдобавок начинала болеть голова. Он искоса глянул на фотографию: «Не могу больше. Скажу ей, чтобы убрала ее в ящик».

Мысли толкались в мозгу, словно норовили проникнуть в сознание, и Минскер, как сторонний наблюдатель, следил за их усилиями. Что сию минуту делала Мира? А как насчет Лены? Он принялся высчитывать, сколько лет сейчас Лене. Восемнадцать. Взрослая совсем. Может, и не девушка уже? Коварная мысль мелькнула в голове – она словно выскользнула из тисков, которые ее удерживали, ловко нанесла урон и опять спряталась, точно проказник-домовой. Да, вот так же, как Минскер обходился с чужими дочерьми, другие обошлись с его дочерью. Кто знает? Может, ее изнасиловали нацисты? Или, может, все случилось добровольно. Но что такое – родное дитя? Что такое взаимоотношения поколений? Тела всегда оставались порознь. Даже собственное тело – чужой, враг.

Герц услышал, как открылась входная дверь. Пришла Броня. Зашуршала пакетами и свертками. Она все купила к ужину, наверно, торговалась где-нибудь в магазине.

Донесся ее голос:

– Дорогой, ты дома?

«Вот все, что мне требуется при всех моих бедах, – *дорогой!*» – мысленно рассмеялся он и откликнулся:

– Да, я здесь!

Броня вошла в комнату – блондинка выше среднего роста, стройная, волосы растрепаны, в светлом платье, за день помятом и в пятнах. От жары, работы и тревог лицо ее казалось усталым. Она похудела и выглядела моложе своих лет. Словно до предела утомленная девушка. Герц окинул ее взглядом знатока: настоящая красавица – белокурая, голубоглазая, с безукоризненными руками и ногами. Ни единого изъяна в фигуре. Только под глазами синие круги, и все существо выражало усталость, досаду, разочарование.

– Ну, как все прошло? – спросил он.

– Не хочу говорить об этом. Мне надо ненадолго прилечь. Я просто валяюсь с ног.

3

Герц поднялся с дивана, и Броня тотчас легла. Лежала едва дыша, словно совсем без сил. Он отошел к туалетному столику, сказал:

– Работа на фабрике не для тебя.

– А что тогда для меня? Оставь меня в покое!

– Может, что-нибудь сделать?

– Ты купил мясо?

– Да, оно в холодильнике.

– Я думала, ты забудешь. Тогда, может, накроешь на стол? С другой стороны, лучше ничего не делай. Я сама. Только минут пять отдохну. Слов нет, что творится в подземке. Просто чудо, что я вышла оттуда целая-невредимая. Есть новости из Польши?

– Нет.

– А письма для меня?

– Тоже нет.

– Знаешь, я встретила там одну женщину, так она регулярно получает письма. Посылает посылки, и они доходят. Ты не поверишь, но она знала Владека.

– Как? Впрочем, не важно.

– Когда-то она работала у его отца. Показала мне, что делать.

– Не ходи туда больше.

– Если я не приду, сегодняшний день мне не оплатят. Там профсоюзов нет. Мастер – жуткий тип. Орал на меня. Чуть не ударил. По крайней мере, я теперь знаю, что такое фабрика.

– Поживешь со мной – много чего узнаешь.

– О да. А ты чем занимался весь день?

– Встречался с Моррисом.

– И все?

– Был в библиотеке.

– Надо было сказать Моррису, что я не смогу быть завтра в шесть... не пойду же я к ним прямо с работы. Сперва надо умыться и переодеться. Самое раннее могу прийти к семи.

– Я так ему и сказал.

– Позвони Минне. Он забудет предупредить ее. Если она будет знать, что мы запоздаем, то не станет спешить с готовкой.

– Ладно, позвоню.

– Раньше четверга у меня выходного не будет, но я хочу собрать посылку. Может быть, соберешь и отправишь вместо меня? Купи тушенку в банках. Денег я тебе дам. Нужны калорийные продукты: консервированная фасоль, макароны, грибной суп. Можешь добавить несколько баночек сардин. Та женщина говорила, что посылала салями. Там страшный голод. Кто-то читал, что в самую первую неделю они ели мясо околевающих лошадей. Многие мужчины бежали в Россию, но Владек бежать не мог, с детьми-то! Они ведь пешком ушли. Поезда перестали ходить сразу же. Кроме того, Владек ярый антикоммунист. Его бы тотчас расстреляли. Понять не могу, почему другим приходят письма и подтверждения, что их родственники получили посылки, а мне – ни словечка. Иногда я думаю, что их уже нет в живых.

– Живы они, живы.

– Почему ты знаешь? Потому что миссис Киммел телепатически с ними общалась?

– При бомбежках погибли немногие.

– Тысячи. Целые дома рухнули. Та женщина откровенно сказала: раз нет ответа, мне надо кончать с посылками. Но что я могу поделать? Ладно, пойду займусь ужином.

Броня медленно встала. Казалось, ноги плохо ее держат. Немного погодя она вышла на кухню. Вроде как прихрамывая.

Минскер искоса проводил ее взглядом.

– Очередная жертва, – пробормотал он.

И снова вытянулся на диване. «Надо заработать денег! – сказал он себе. – Хотя судомоем устроиться. С этим-то я наверняка справлюсь». Он начал размышлять о книге, которую писал уже который год и первую часть практически закончил.

Когда он приехал в Америку, художник по имени Аарон Дейхес очень его обнадеживал. Уверял, что он с легкостью найдет издателя и кого-нибудь, кто переведет книгу с иврита на английский. Достаточно представить резюме, и все. Минскер должен только найти себе литагента. Но пока что дело с мертвой точки не сдвинулось. Работа, написанная на иностранном языке, агентов не интересовала. Минскеру сказали, что американские издатели редко выпускают один только первый том. Здесь, в Америке, предпочитают завершенные вещи. Он подготовил какое-никакое резюме, и ему сделали перевод, но несколько издателей ответили, что должны сперва увидеть в английском переводе хотя бы часть работы.

Минскер корпел над резюме не одну неделю, но ничего толком не вышло. Оказалось невозможно втиснуть туда то, что он проповедовал, – соединение Спинозовского гедонизма, каббалистического мистицизма, да еще и с примесью обновленного идолопоклонства. По его мысли, развлечение и религия суть одно и то же. Человек должен просто наслаждаться благоговением перед Богом. Он мечтал о синагогах, где прихожане будут проводить «душевные экскурсии». Хотел, чтобы религия стала своего рода лабораторией, где экспериментируют с возможностями физического и духовного наслаждения. Каждый будет служить Богу и на свой индивидуальный манер, и сообщая с другими. «Бог и идол, – писал Минскер, – не противоречат друг другу. Бог должен обеспечивать своим служителям все те удовольствия, какие им обеспечивали идолы».

В своей работе Минскер стремился реабилитировать доктрину Шаббетая-Цви и находил глубокий подтекст в афоризмах Якоба Франка. Он даже оправдывал сексуальные извращения, коль скоро они не вели к страданиям партнера. «Все есть Божия любовь, – писал Минскер. – Отец Небесный желал, чтобы Его дети играли, и Его не волновало, как они это делали. Он требовал только, чтобы один не строил свое счастье на страданиях другого. Вся наука, вся социология, все человеческие усилия должны быть направлены на отыскание средств осуществления этого принципа». Своим девизом Минскер избрал слова Исаии: «Научитесь делать добро». Наука должна выявлять то, что научит делать добро себе и другим. Современный человек фактически невежда в этой области. Ему известны миллионы исторических фактов, но он забыл, как играли его собственные предки.

Начав писать книгу, Минскер намеревался практиковать то, что проповедовал. Некоторое время даже вел дневник, как подтверждение и своего рода комментарий к своей теории. Однако запутался и в теории, и в жизни. Вместо того чтобы дарить счастье, он сеял горе. И себя тоже мучил, вовсе не наслаждался умиротворением дня. Сам стал опровержением собственной доктрины.

Броня позвала его на кухню ужинать, но он был сыт. Лениво встал. «Весь институт брака антирелигиозен», – сказал он себе.

– Герц, мясо стынет!

Глава третья

1

Не считая Герца и Брони, Моррис Калишер пригласил еще две супружеские пары и двоих одиночек. На Минну вполне можно положиться. Его первая жена, приглашая гостей, вечно впадала в панику, а вот Минна все планировала заранее. Заказывала продукты, нанимала женщину, которая в Польше обычно стряпала на свадьбах, и еще одну, которая подавала на стол. Сама Минна палец о палец не ударяла.

Ровно в шесть все было готово: закуски, ужин, коктейли. Стол в столовой накрыт, и каждому назначено его место.

Весь этот день Минна читала книгу на идише. И даже сочинила два стихотворения. В половине шестого она оделась, причесалась, нацепила драгоценности. Побрызгалась духами, которые нравились Минскеру. Встреча с Броней всегда ставила перед Минной сложную задачу. Та по-прежнему была красоткой, и мужчины просто теряли голову. Но Минна знала, что от забот и огорчений Броня стала фригидной. Да и Минскер уверял, что никогда не испытывал к блондинкам физического вожделения. Вдобавок Минна считала Броню дурочкой. И в глубине души тот факт, что она сумела увести мужа у этой зазнайки из ассимилированной богатой семьи, очень Минну веселил. Она верховодила и Моррисом, и Минскером. Обман сделал ее актрисой, и свою роль она играла уверенно. Репетиций не требовалось, все происходило совершенно естественно.

Первыми пришли Альберт Крупп и его жена Флора. В Польше Крупп был адвокатом, но в Америке занялся биржевыми спекуляциями. Из Польши он сумел уехать за несколько лет до начала войны и женился на дочери здешнего богача.

В ту пору, когда Альберт Крупп приехал в Америку, котировки на Уолл-стрит упали ниже некуда, однако, по расчетам Альберта, они непременно пойдут вверх. Он был прямо-таки одержим этой уверенностью. Накупил акций на все деньги, какие привез с собой. Покамест никакой прибыли они не давали, но, судя по нынешней ситуации, он, похоже, все-таки разбогатеет. Сейчас он жил на дивиденды и на доходы от корсетной фабрики, которую открыла Флора.

Происходил Альберт из городка Жирардув, из состоятельного хасидского семейства. В юриспруденции он подвизался безуспешно. Говорил медленно и нудно, и ход его мысли отличался странностями. В Польше он годами жил за счет отца. Поздно ложился, поздно вставал, весь день ходил в халате и шлепанцах. Был он на двадцать лет старше жены и красил волосы.

Фигура у Альберта Круппа была приземистая, широкая, лицо квадратное, с низким лбом, приплюснутым носом и толстыми губами, шевелюра густая, тусклого черного цвета. Лицо сплошь в ямках и складках. По-польски он говорил с еврейским акцентом, слова вылетали изо рта словно тяжелые камни. Нередко он умолкал посреди фразы и одновременно поднимал указательный палец, как бы показывая, что еще не закончил.

Альберт Крупп снискал себе репутацию хвастуна и большого сумасброда. Моррис Калишер звал его «разболтанный шарнир».

Флора ростом была не выше мужа, но стройная и способная. Вдобавок она постоянно ходила на высоких каблуках. Насколько Альберт был неуклюж и полон чудачеств, настолько же Флора была деловита, энергична и умела приспособиться к любым обстоятельствам. На фабрику она наняла нескольких женщин средних лет, беженок из Польши, и они работали на нее задешево, в том числе сверхурочно, и были ей преданы. Клиентура ее составила из богатых дам с Парк-авеню.

К всеобщему удивлению, Альберта она любила, да как: оправдывала все его нелепые высказывания и преувеличения. Обладая здравомыслящим и практичным умом, она соглашалась – по крайней мере, теоретически – со всеми заявлениями Альберта по поводу политики, финансов и стратегических планов. Альберт же безапелляционно судил обо всем, даже о том, как выкармливать младенцев, если у матери пропало молоко. Когда болел, он лечился своими средствами.

Лицо у Флоры было узкое, с землистой кожей, шея длинная, узкий подбородок, острый нос, словно птичий клюв, и круглые птичьи глаза. Свои черные волосы она зачесывала вверх, таким валиком, и они бархатисто поблескивали. Ходила она всегда в черном – чулки и те черные. Говорила быстро и так тихо, что слушатель мог только догадываться, что она сказала. Но вдруг, ни с того ни с сего, издавала резкий вскрик, точно рассерженная птица. Польские беженцы хорошо знали о талантах Флоры. Она находила время на все: на дом, на фабрику, на курсы английского в Городском колледже и на гостей. И славилась своей кухней. Все считали, что, будь у Флоры нормальный муж, она бы стала в Америке миллионершей. Вдобавок к прочим своим изыскам Альберт Крупп не мог иметь детей. Его семя было бесплодно.

Пил Альберт только водку. Виски он полагал смертельным ядом и привел бы целый ряд фактов, доказывающих, что коктейли вызывают язву желудка.

Минна налила ему рюмку водки, и он залпом ее осушил. В необходимость закусок Альберт не верил. Принципиально ничего не ел, пока не подадут горячее. Он уселся в кресло, положил пухлые руки на подлокотники и тотчас завел речь о том, что Рузвельт и Гитлер заключили секретное соглашение. Однако его прервали – пришла вторая пара, Зейнвел Амстердам с женой Матильдой.

Зейнвел Амстердам был высокий, стройный, лицо изнуренное, острый череп без единого волоска, острый кадык, длинная шея, острый нос и острый подбородок, вечно в заклеенных пластырем порезах, потому что на бритье Зейнвелу то ли времени не хватало, то ли терпения. Матильда говорила, что Зейнвел не бреется, а сдирает с себя кожу. Глаза у него были желтые, взгляд пристальный. В Варшаве Зейнвел Амстердам был брокером по недвижимости, а здесь, в Нью-Йорке, заделался домовладельцем. Несколькими зданиями он владел на паях с Моррисом Калишером. Но в первую очередь Зейнвел Амстердам скупал полуразвалившиеся дома и ремонтировал их или, как он сам говаривал, – латал. Во рту у него вечно торчала незажженная сигара, которую он ловко перегонял вправо-влево и вверх-вниз.

Других языков, кроме идиша, Зейнвел Амстердам не знал. Родом он был из какого-то провинциального польского городишка, такого захолустного, что даже в Польше о нем мало кто слышал. И Амстердаму не терпелось поскорее разбогатеть. На миссис Амстердам – на Матильде – он женился вторым браком. Первая жена умерла в нищете. Матильда вела происхождение из Галиции, была вдовой бургомистра довольно большого города. Говорила она на германском идише.

Маленькая, полная, Матильда ходила вперевалку. Говорила с волнением, благожелательно улыбаясь вставными зубами. Нос короткий, глаза блеклые, пухлый двойной подбородок, а внушительный бюст не позволял ей смотреть под ноги, тонкие и слабые, так что каждые несколько недель она падала. В беженской среде сплетничали, что для бизнеса у Матильды голова получше, чем у Зейнвела. Он шагу без нее сделать не мог. И когда спрашивал у Матильды совета, покупать недвижимость или нет, Матильда нередко говорила: «Ты знаешь все, а я ничего. Но раз ты спрашиваешь, я бы сказала, дешевле уж некуда».

Больше Зейнвелу Амстердаму ничего и не требовалось. Хлопнув по столу, он восклицал: «Стало быть, покупаю!»

2

Следом за Амстердамами один за другим пришли еще двое гостей: Аарон Дейхес, художник, и Ханна Сефард, дочь раввина и учительница древнееврейского.

Аарону Дейхесу еще и пятидесяти не сравнялось, но все думали, что он гораздо старше, ведь про него и его картины в газетах писали еще тридцать с лишним лет назад. В Люблине он слыл чудо-ребенком, причем настолько талантливым, что его приняли в варшавскую академию, прежде чем он толком выучился читать и писать. В двенадцать лет у него состоялась выставка в Национальной галерее искусств «Захента». Богачи покупали его картины. Позднее он уехал в Германию и там тоже прославился. В начале 1930-х он вдруг – во всяком случае, так казалось – стал модернистом, хотя на самом деле создал в живописи собственное направление.

В 1939-м Аарон Дейхес приехал в Америку с собственной выставкой, которую критики разругали в пух и прах. Впервые в жизни Аарон Дейхес потерпел фиаско. Он уже готов был вернуться в Париж, но грянула война. Жилось ему здесь во всех отношениях тяжело. Картины не продавались. Начались неприятности с желудком. Одолела меланхолия. Он поселился где-то в Гринвич-Виллидж, в мансарде, и почти вовсе забросил живопись. Взялся читать не что-нибудь, но Зоар, во французском переводе, и постоянно замечал, что уже доиграл свою роль до конца. Еще он ходил в синагогу и оплатил себе участок на кладбище. Герца Минскера Аарон Дейхес знал еще по Европе. Здесь они стали близкими друзьями.

Скорее небольшого роста, плотного сложения, с бледным лицом, светлыми глазами и копной курчавых белокурых волос, Аарон Дейхес походил на ребенка. Говорил он мало, тихим, едва внятным голосом. Когда улыбался, на щеках проступали ямочки. Никто и никогда не видел, чтобы Аарон Дейхес вышел из себя, дурно отозвался о ком-нибудь или разозлился. Сейчас, в период неудач, он был совершенно таким же, как и во времена величайшего успеха. В артистических кругах часто спорили, дружелюбен ли Аарон Дейхес по натуре или наловчился создавать такое впечатление.

Аарон Дейхес состоял в отдаленном родстве с первой женой Морриса Калишера, и в Нью-Йорке Моррис пытался помочь ему, хотел купить картины, но художник не желал принять от него ни гроша. Даже портрет Морриса писать не стал. Всякий раз, когда Моррис предлагал купить у него картину, Аарон Дейхес отвечал: «Да брось ты, она тебе не нужна».

Минна уговорила его написать ее портрет, но, когда он был закончен, Аарон Дейхес от денег отказался. Моррис Калишер все время корил его: «Ареле, ты совершенно не американец. Будь я дядей Сэмом, не допустил бы тебя в страну».

Аарон Дейхес вручил Минне цветы. Сегодня он надел старомодный черный европейский костюм, рубашку с жестким крахмальным воротничком, галстук и лакированные туфли. Всю жизнь он был вегетарианцем и никогда не пил спиртного. Когда-то давно имел жену, немку, но она с ним развелась, и с тех пор он, так сказать, жил монахом. Герц Минскер обычно говорил: «Вот таким мне всегда хотелось быть».

Поздоровавшись со всеми, поцеловав ручку дамам и отпустив несколько учтивых реплик, Аарон Дейхес сел и умолк. Смотрел в пространство перед собой со спокойствием человека, который исполнил свой долг и теперь может вернуться к размышлениям. Краем уха он слушал Альберта Круппа.

Немного погодя подъехала Ханна Сефард. Преподавательница древнееврейского, в разводе. Последними пришли Герц Минскер и Броня.

С появлением Брони мужчины, как всегда, оживились.

Зейнвел Амстердам хлопнул в ладоши и воскликнул:

– Смотрите, голливудская красавица!

Альберт Крупп прервал его спич. Вскочил с кресла, подошел к Броне, взял ее руку и громко поцеловал. Аарон Дейхес улыбнулся, демонстрируя редкие зубы. Тоже встал, шагнул к Броне, поцеловал ей руку и сказал:

– Прекрасна, как всегда.

Моррис Калишер на своих коротких ногах поспешил принести ей стул.

Женщины сидели, словно в унынии. Матильда Амстердам искоса смерила Броню критическим взглядом. Будто вопрошая: «Отчего эти идиоты так разволновались?»

Флора Крупп несколько раз оглядела Броню с головы до ног, затем пожала плечами. Ханна Сефард, преподавательница древнееврейского, улыбнулась полудружески, полусмущенно и покачала головой по поводу старой и вечно новой истины: мужчина куда больше восхищается хорошеньким женским личиком, чем самой прекрасной душой.

Минна еще в коридоре поздоровалась с Броней и расцеловалась. Теперь она одним взглядом победоносно взглянула на мужчин, как бы говоря: «Посмотрите на большой приз, какой я вам принесла!» Другим глазом она подмигнула женщинам.

Броня целый день отработала на фабрике, но, вернувшись домой, прилегла минут на пятнадцать, выкупалась и оделась. Они опоздали на три четверти часа и пришли бы еще позже, если бы Герц Минскер не настоял взять такси.

Герц тоже принес цветы. После ланча он два часа вздремнул, потом сходил к цирюльнику постричь волосы и подровнять баки. Хотя он и уверял Минну, что разлюбил Броню и женитьба на ней была ошибкой – а ошибку не всегда можно исправить, – ему было приятно, что Броня произвела среди мужчин такой фурор. Это поднимало его собственную самооценку. Он с нежностью глянул на Минну.

Минна поблагодарила за цветы, а Герц Минскер сказал:

– Это за бессмертные стихи.

– Что ж, так или иначе, приятно слышать.

Едва только Минскер допил коктейль, кухарка сообщила, что ужин готов.

По европейскому обычаю Минскер сопровождал Минну в столовую. На ходу он слегка пожал ее локоть, и Минна сумела тихонько пробормотать:

– Я весь день скучала по тебе.

– Я тоже, – солгал Минскер.

Моррис Калишер взял под руку Броню, но быстро выпустил ее локоть. В нем еще сохранились остатки хасидской скромности. Зейнвел Амстердам намеревался проводить к столу Броню, однако ее умыкнул Моррис, и ему пришлось довольствоваться Флорой Крупп. Аарон Дейхес помог Матильде Амстердам подняться с кресла, ноги-то у нее были слишком тонкие и слабые. Ханну Сефард должен был сопровождать Альберт Крупп, но он слишком замешкался, и она ушла в столовую без него.

Вскоре всех усадили за стол. По случаю сегодняшнего ужина Минна приобрела дорогую скатерть и выставила новый сервиз. Женщины немедленно принялись обсуждать красивые новинки.

Хотя место во главе стола, по обычаю, предназначено хозяину, Моррис Калишер усадил там Герца Минскера. Герц пытался возражать, но Моррис воскликнул:

– Ты для меня – пильзенский цадик!

«Цадик, который спит с твоей женой», – мысленно ответил Герц Минскер. Он встревожился, вспомнив своего отца. Слова Морриса прозвучали как профанация, как кошунство.

Минскер поднял взгляд, и Минна улыбнулась ему, с обманчивой любезностью.

– Конечно, – сказала она. – Цадику приличествует почетное место.

3

После ужина Моррис Калишер принялся расспрашивать Аарона Дейхеса о его работе. Аарон Дейхес отвечал вполне искренне: живопись никому не нужна. Зачем писать? Тора справедливо ее запрещает. Это идолопоклонство.

Моррис Калишер усмехнулся:

– Ты веруешь в Тору, а соблюдаешь ли прочие ее заповеди?

Минскер вмешался в разговор и заявил, что человек вправе совершать те благие поступки, какие под стать его духу. Надо иметь «свободный выбор и в грехах», так он аргументировал. Подчеркнув, что и пророки пренебрегали практикой человеческого самопожертвования. А поскольку все религии просто ступеньки лестницы, ведущей к поискам Бога, каждый вправе искать на свой лад, при условии, что подчиняется законам морали и не творит иного зла. Минскер сравнил религии с научными теориями. Можно принять их или отвергнуть, можно поменять одну на другую, но это не означает, что отвергаешь науку. Все атеисты делали одну и ту же ошибку. Отвергая тот или иной авторитет, они думали, что отвергают Бога. Наука не перестала быть наукой, когда были отвергнуты Аристотелева физика и биология, точно так же религия останется, пусть и будут отвергнуты откровения Моисея, Будды или Иисуса.

– Без порядка, – сказал Аарон Дейхес, – религии быть не может.

– Можно и порядок изменить. Так поступают во всех казармах.

В тумане дискуссии возник голос Минны:

– Герц, вы уже видели мой портрет?

– Несколько раз.

– Пойдемте, посмотрите еще разок, а потом скажете, вправду ли живопись так греховна.

Герц Минскер нехотя встал.

– Ладно, слово хозяйки дома – закон.

В коридоре он тихонько сказал ей:

– Зачем ты так делаешь?

– Мне необходимо поцеловать тебя.

– Ты с ума сошла.

– Да, так и есть.

Минна заранее стерла с губ помаду. Прижалась ртом к губам Минскера, а он разозлился: «К чему этот риск?» Детские капризы. Он хотел поскорее вернуться в гостиную, но она стояла на своем:

– Не убегай. Не дрожи. Никто ничего не подозревает.

Немного погодя они вернулись, и Минскер сказал Дейхесу:

– В самом деле, такие картины нельзя считать грехом. В них постоянно видишь что-нибудь новое.

– И что же ты видишь? Ничего.

– Ну-ну, наш друг Дейхес в плену странного настроения, – сказал Моррис Калишер. – Но это пройдет, пройдет. Бесспорно, изучать Тору и вести себя этично – дело благое. Но коли уж ты человек современный, то искусство вообще лучше карточной игры. В конце концов, любой талант – дар небес.

– А как насчет талантов, что высекали идолов?

– В наши дни никто идолам не поклоняется. Кроме разве что нацистов.

– Служить людям все равно что служить идолам, – сказал Минскер. – Фактически это одно и то же.

– Если так, то коммунисты самые ужасные идолопоклонники, – воскликнул Альберт Крупп. Он давно пытался присоединиться к дискуссии и успел поднять палец, но никто на него не смотрел. – Нет идола хуже, чем Сталин, – добавил он.

– Это верно, однако толика идолопоклонства присуща каждому, – заметил Герц Минскер. – Разве, например, любовь не есть форма идолопоклонства?

– Ну, ты преувеличиваешь, – возразил Моррис Калишер. – Праведники тоже любили. Иаков любил Рахиль.

– На самом деле он четырнадцать лет служил за нее.

– Тора не считает это грехом. Напротив.

– Тора велит проколоть рабу ухо в знак того, что он должен служить вечно.

– Право же, Минскер, вы играете словами, – воскликнула Минна. – Если любовь – идолопоклонство, то, значит, я тоже поклоняюсь идолам. С тех пор как мне сравнивалось семь, я всегда кого-нибудь любила.

– Можно любить и не быть рабом.

– Нет, нельзя.

– Ну, Миннеле, ты преувеличиваешь. Все вы преувеличиваете! – сказал Моррис Калишер, неуверенный, как ему сформулировать свой аргумент. – По правде говоря, все должно делать с умом. В Первую мировую австрийские офицеры подцепляли где-нибудь шлюху, сажали ее в ванну с шампанским и пили, пока не валились с ног. Вот это – идолопоклонство в худшем смысле. Но если женишься по закону и живешь в мире – это не идолопоклонство. И так дело обстоит во всем. Маймонид учит, что всегда надо выбирать золотую середину. Это и есть еврейство. Взять хотя бы нас, Миннеле. Я люблю тебя и полагаю, ты тоже любишь меня, иначе бы не пошла за меня замуж, в конце-то концов. Но никаких оргий мы не устраиваем, боже упаси. Мой отец, несомненно, тоже не устраивал оргий с моей маменькой, да пребудут они оба в святом раю...

– Наши отцы и деды понятия не имели о любви, – сказал Аарон Дейхес.

– Опять преувеличение, они готовы были в огонь пойти друг за друга.

– По-моему, любви вообще не существует! – воскликнул Альберт Крупп. – Я знал одну пару, они так сильно любили друг друга, что просто с ума сходили. Может, и нехорошо этак говорить, но ей нравилось лизать ему ноги. Он сам мне говорил. Был у нее такой выверт – или черт знает как его назвать. Когда он возвращался, потный и грязный с дороги, то первым делом хотел принять душ или ванну, а она садилась на пол, снимала с него ботинки и носки и...

– Альберт, может, достаточно о мерзостях? – сказала Флора. – Это не тема для компании.

– Но такова правда.

– Правда бывает и грязной.

– Позволь мне закончить. Однажды муж заболел и умер. Оставил ей состояние. Я был на похоронах, и она в самом деле хотела броситься в могилу. Пришлось удерживать силой. Никогда я не слыхал таких рыданий и воплей. И не сомневался, что эта женщина покончит с собой. Представьте же себе мое удивление, когда полгода спустя я услышал, что она вышла за какого-то прощелыгу, торговца лошадьми, сущего хама. Больше я с ней не сталкивался, но совершенно уверен, что...

– Ладно, мы говорим о нормальных людях, а не о безумцах, – перебил Моррис Калишер. – Каждый знает, что сумасшедших вокруг полным-полно. В нашем городе арестовали крестьянина, который жил со свиньей. Но что это доказывает? Нормальный человек любит нормальным образом, и так дело обстоит во всех областях жизни. Тора учит нас соблюдать умеренность во всем. Это и есть еврейство...

Альберт Крупп поднял палец:

– А как насчет людей, которых Тора обрекла убиению, – мужчин, женщин, детей? Это была умеренность? И как насчет народов, из которых Тора велела убивать только мужчин и

старух, но молодых женщин и имущество брать как добычу? Я изучал Пятикнижие, я знаю. Вы бы назвали это умеренностью, мистер Калишер?

– Так было в прошлом.

– Не означает ли это, что настала пора для новой Торы? – спросил Герц Минскер.

Некоторое время все молчали.

– Какая Тора? Иисус Христос велел подставлять другую щеку, а христиане две тысячи лет убивали друг друга. Даже папы вели войны и проливали реки крови, – сказал Моррис Калишер.

– Так, может быть, нам нужна третья Тора?

– Какая польза от третьей Торы? «Не слова важны, но дела»! – вскричал Моррис Калишер. – Факт тот, что евреи за две тысячи лет не пролили ни капли крови. Наоборот, проливалась их кровь.

– Дай им власть, дай им получить Израиль, и они пойдут войной на арабов.

– Я не сионист.

– Правда в том, что религия, как и наука, едва вышла из пеленок, – сказал Минскер. – Все Торы полны резчайших противоречий. Возьмите, например, нашу. Вот здесь написано «не убивай», а дальше: «И истребишь все народы». Вот здесь – «не кради», а здесь – «вкушай богатство врага твоего». Здесь – «не прелюбодействуй», а там тебе велят брать женщин врага. И вот так со всеми заповедями. Религия вообще никогда не занималась природой человека и обстоятельствами. С самого начала священники толковали о приходе Мессии, потому-то люди к ним и тянулись. «Бхагавадгита» – великая поэтическая книга, но и она, как религия, непоследовательна. Моя позиция такова: Бог, как и наука, не открывает Себя всем и каждому. Закон гравитации не открылся Ньютону в горящем кусте. Надо искать религиозные истины точно так же, как ищешь законы природы. Фактически те и другие суть части одной и той же истины.

– Как ты ищешь религию?

– Есть способы.

– А пока-то что делать?

4

Зейнвел Амстердам, компаньон Морриса Калишера, тоже пытался что-то сказать, но ему и рта открыть не дали. Остальные женщины, за исключением Минны, даже не пробовали вмешаться в дискуссию. Броня откинула голову на спинку стула, отдыхала от тяжких дневных трудов. Сил едва хватало, чтобы не заснуть. Она была из тех красоток, что в любых обстоятельствах остаются хороши собой. Похудевшая и усталая, она выглядела лишь моложе и привлекательнее. Привезенное из Варшавы черное платье уже вышло из моды, но ей оно шло. Из украшений у нее сохранилась только нитка жемчуга, которую она и надела. Броня казалась свободной от любых амбиций. Что ей за дело до этой дискуссии? Она совершила грех и понесла наказание. Вполне отдавая себе отчет, что Минна строит глазки Герцу, она поняла, зачем та повела его смотреть портрет. Но Броня бросила двоих детей в Варшаве на произвол нацистов, а перед этой трагедией все прочие проблемы блекли. Женщины молча смотрели на нее. Искали хотя бы один изъян, но все было безупречно – нос, рот, шея. В Америке она легко могла бы стать манекенщицей, но у нее даже мысли такой не возникало, да если б и возникла, она бы ее отмела. В респектабельном доме, где она выросла, на манекенщиц смотрели сверху вниз, как на уличных девок. Броня совершила один тяжкий грех: бросила Владека и детей и вышла за Минскера. Она сравнивала себя с насекомыми, которые в брачную пору взлетают ввысь, некоторое время парят в сексуальном экстазе, а затем вмиг обрекаются смерти. Время от времени Броня легонько посапывала, словно во сне, потом резко прекратила и извинилась:

– О, я ужасно устала, а здесь так уютно.

– Может, приляжете на мою кровать? – спросила Минна. – Усталость есть усталость. Стыдиться тут нечего.

– Нет, спасибо. Пока я сижу здесь, все хорошо.

– Можно спросить, сколько вам платят на фабрике, – поинтересовалась Матильда, жена Зейнвела Амстердама.

– Сейчас четырнадцать долларов в неделю. Позднее прибавят еще несколько.

– Но стоит ли работать за четырнадцать долларов в неделю?

– Мне нужны деньги.

– Какая эксплуатация! – вставила Флора Крупп. – Вот почему коммунисты набирают силу.

– В России даже столько не платят, – заметил Зейнвел Амстердам. Не имея шансов поучаствовать в мужском разговоре, он слушал женщин.

– Мы в Америке, а не в России.

– Да я не в претензии. Если бы только мои дети были здесь.

Женщины мгновенно замолчали и услышали, как Герц Минскер сказал:

– В религии, как в философии и в любой другой науке, надо начинать с сомнения. Возможно, Бог есть, а возможно, Его нет. Возможно, у человека есть душа, а возможно, он машина. Возможно, молитва производит некое воздействие, а возможно, нет. Таков был – и есть – мой метод. Возможно, Моисей стоял на горе Синай и слышал глас Божий, но доказать я ничего не могу, а значит, и положиться на это тоже не могу. И как раз по причине отсутствия доказательств я считаю, что все Торы и чудеса суть выдумки человека. Лишь если я сам стану свидетелем событий, не объяснимых логикой и доказывающих, что в природе есть намерение и духовная сила, – лишь тогда я буду вправе сделать тот или иной вывод. Поскольку же мой отец, благословенна будь его память, встал однажды утром и объявил, что Хаим Эйнбиндер выиграл в лотерею, а через три дня действительно пришла телеграмма с известием, что он выиграл, – я не могу отвергнуть это как выдумку, или как желание верить, или что-либо в таком роде. Когда отец сказал, что Хаим Эйнбиндер выиграл в лотерею, розыгрыш еще не состоялся.

Шансы Хаима на победу были примерно один к ста тысячам. А мой отец даже билета не покупал. Это доказывает только одно: так или иначе, уже было predetermined, что выпадет номер Хаима Эйнбиндера. И что некая сила передала эту информацию моему отцу. Сей факт опровергает все материалистические теории. Если он истинен, то Дарвин, и Карл Маркс, и Гегель – да и Эйнштейн – попросту топчутся в темноте. Заодно хочу сказать вам, господа, что это не единичный факт. Подобные вещи случались тысячами, миллионами. Достаточно прочитать отчеты ученых-парапсихологов. Они – подлинные искатели Бога в наше время...

– Я знал Хаима Эйнбиндера, и он вправду выиграл в лотерею! – воскликнул Моррис Калишер. – Как сейчас помню.

Альберт Крупп поднял палец:

– Можно спросить вас кое о чем, доктор Минскер?

– Можно.

– Кто присутствовал, когда ваш отец, да почиет он с миром, сказал про выигрыш?

– Я сам слышал, собственными ушами.

– А кто еще?

– Один я. Но, возможно, и кто-то еще, я не помню.

– Доктор Минскер, я очень вас уважаю, – сказал Альберт Крупп, – однако коль скоро вы не позволяете себе верить в священные книги, в совокупный опыт, накопленный за четыре тысячи лет, и говорите, что все это, вероятно, выдумка, то почему я должен верить в вашу историю? Не поймите меня превратно, я верю, но по сугубо личным причинам. Так сказать, из почтения к вашему отцу. Но почему вам должны верить другие? Их отцы ничего не предсказывали. Я вот не припомню, чтобы мой отец, да почиет он с миром, делал предсказания. Даже если он желал кому-то неудачи, поскольку тот был соперником, случилось прямо противоположное: этот другой стал миллионером и...

– Вы не обязаны мне верить.

– На чем же мне тогда основывать свои убеждения?

– Я не единственный. По этому вопросу существует обширная литература. Вы когда-нибудь читали Фламариона? Слышали об Эдмунде Гурнее⁹? Известно ли вам, что в Англии существует общество, которое уже без малого шесть десятков лет занимается такими исследованиями? Год за годом ломая голову над этой темой, приходишь к определенным выводам. Суды приговаривают людей к смерти на основе показаний одного-единственного свидетеля, или полусвидетеля, или даже на основании заключения эксперта. Скажем, Бруно Гауптмана¹⁰ не так давно отправили на электрический стул, оттого что древесина приставной лестницы совпала с той, что нашли у него на чердаке.

Минна рассмеялась:

– У него и чувство юмора есть!

– Погодите-погодите, дослушайте меня, – воскликнул Альберт Крупп. – Допустим на минуту, что все рассказанное вами чистая правда. Ваш отец предсказал выигрыш. И Хаим Эйнбиндер выиграл. Допустим, сотня людей, подобно вашему отцу, сделала такое предсказание, и сотня Эйнбиндеров выиграла. Означает ли это, что в Шаббат нельзя носить с собой деньги или что не нужно надевать филактерии и ритуальные повязки?

– Я такого не говорил.

Аарон Дейхес неожиданно встал.

– В моей жизни было нечто подобное.

– Что же?

⁹ Фламарион Никола Камиль (1842–1925) – французский астроном; Гурней Эдмунд (1847–1888) – английский психолог и парапсихолог.

¹⁰ Гауптман Бруно (1899–1936) – плотник немецкого происхождения, осужденный за похищение и убийство двадцатимесячного сына авиатора Чарльза Линдберга.

– Случившееся настолько фантастично, что мне даже рассказывать неловко. Вы ведь подумаете, будто...

– Знаю, знаю, история с подсвечниками на Хануку. Расскажите. Им стоит послушать, – сказал Минскер.

Все придвинулись поближе. Женщины и те заинтересовались. Аарон Дейхес не лгун. Он откашлялся, прочистил горло. Достал платок, утер рот. Застенчиво улыбнулся, словно сожалея, что сам поставил себя в затруднительное положение и должен теперь рассказать свою историю.

Пользуясь молчанием, Зейнвел Амстердам хлопнул в ладоши и воскликнул:

– Ну-ну, вечер чудес!

– Зейнвеле, успокойся! – сказал Моррис Калишер. – Всякий день полон чудес, всякий час, всякая минута.

– Почему же Бог не сотворит чудо в Польше?

– Нет, ну как вам нравится? Отныне Бог пойдет на выучку к Зейнвелу Амстердаму.

5

– Это было не чудо, вовсе не чудо, – сказал Аарон Дейхес. – Где люди вроде нас видят чудеса? Тем не менее история странная. Здесь я должен упомянуть кое-что личное. Когда-то я любил одну женщину. Не ту, на которой женился, другую. Почему я не женился на ней, не знаю. Возможно, как раз потому, что очень ее любил. Закон физики гласит, что на всякое действие есть противодействие. Это приложимо и к психологии. Когда любишь кого-нибудь, то испытываешь к нему и изрядную неприязнь, и вскоре злость становится почти столь же велика, как любовь, и даже больше. К тому времени, когда, набравшись ума, видишь правду, уже слишком поздно. Она вдруг захворала и умерла. Какое-то извращенное стечение обстоятельств, и только. А происходило все в Мюнхене. Почему-то женщины там на похороны не ходят. За гробом шли трое мужчин, в том числе я. Зимний день выдался холодный, первый день Хануки. Я знал, что началась Ханука, потому что несколькими неделями раньше кто-то подарил мне ханукальную менору¹¹. В этом году я собирался зажечь свечи, не по причине религиозности, но просто так. Раз у меня есть менора, надо ее использовать. К тому же я не лишен сентиментальности. Свечи я припас заранее и поставил в канделябр восемь свечей поменьше и одну побольше, как шаммаш¹².

Тем временем она серьезно захворала, и я обо всем об этом забыл. Не хочу вам наскучивать, но я отчаянно любил эту женщину. И до сих пор люблю и думаю о ней каждый день, каждую минуту. Кто бы знал... Путь до мюнхенского кладбища долгий. Накануне выпало много снега и ударил мороз. Не стану описывать вам ни похороны, ни мои тогдашние чувства. Могильщики раскидали снег, вырыли могилу и опустили туда ту, что была мне дороже всего на свете. Служитель хриплым голосом прочитал погребальную молитву, и скоро все закончилось. Убитый горем, я пошел домой. Можете представить себе, каково мне было, – все произошло так быстро.

Я вошел к себе в комнату – вообще-то это было все разом: жилая комната и мастерская. Уже свечерело, но зажигать свет мне не хотелось. Как можно зажечь свет, если в душе черным-черно, будто ночью? Никогда я не ощущал такого мрака. Сидел в пальто и шляпе, опершись на зонтик, который зачем-то брал с собой, и смотрел, как опускается ночь.

Внезапно я увидел менору и вспомнил, что пора зажечь первую свечу. Я ведь так и так хотел зажечь свечу за ее праведную душу. Спички у меня были при себе, и я зажег свечу. При одной свече в мастерской казалось еще темнее. Прямо напротив меня висел ее портрет – лучшее, что я когда-либо написал, – и ее лицо улыбалось мне навстречу. Я забыл сказать, что умерла она с улыбкой на губах, или, может, мне так чудилось. В подобных случаях не стоит слишком полагаться на слово. Все донельзя субъективно. Короче говоря, свечу я зажег, но благословения не произнес.

Стоял, смотрел на одинокую свечу и внезапно подумал: «Если твоя душа витает здесь, Неми (ее звали Неми), докажи мне это, зажги остальные восемь свечей». Порой в голове мелькают подобные мысли. Ведь в глубине души все люди веруют. По крайней мере, мне так кажется. Вместе с тем люди – в глубине души – еретики и не верят в чудеса. Какое чувство сильнее, я не знаю. Оба чрезвычайно сильны.

Но едва подумав об этом, я тотчас осознал, что никто не зажжет другие свечи и что эта единственная свеча сгорит самым обычным образом.

Между тем на меня навалилась страшная усталость. Ночью я вообще не спал и теперь рухнул на кровать, что стояла в алькове. Ни пальто не снял, ни калоши и мгновенно уснул.

¹¹ Менора – канделябр, обычно для девяти свечей.

¹² Шаммаш – свеча, которую используют для зажигания других свечей в Хануку.

Мертвым сном. И так проспал до часу ночи. Я запомнил время, потому что у меня были часы со светящимися стрелками, вот эти самые, что сейчас у меня на руке. Печь я не затопил, и в комнате царил жуткий холод, но на мне было теплое пальто, а под ним еще и свитер.

Проснувшись, я некоторое время не мог сориентироваться. Ноги вконец затекли. Я встал, прошел в мастерскую. Огляделся и не поверил собственным глазам. Шесть свечей в меноре полностью сгорели.

– Шесть? – хором спросили несколько голосов.

– Да, шесть. Две так и стояли в своих подсвечниках. Желая объяснить случившееся естественным образом, вы, наверно, скажете, что ветер сдул огонь с одной свечи на другие. Но, во-первых, окно было закрыто, а значит, ветер ни при чем. Во-вторых, я убедился, что, даже если бы ветер и подул, одна свеча не зажгла бы другие так быстро. Я ведь сразу же провел эксперимент. Зажег седьмую свечу и попробовал сдуть пламя на восьмую. Дуть пришлось долго и сильно, пока восьмая свеча зажглась от седьмой. А тут шесть свечей полностью сгорели. Не могу даже описать свое изумление. «Неми, – сказал я, – ты была здесь и читала мои мысли. Ты подала мне знак».

– Если она сумела зажечь шесть свечей, то почему не зажгла все восемь? – спросил Зейнвел Амстердам.

– Не знаю, не знаю. Я тоже задавал себе этот вопрос. Но факт остается фактом. Немного погодя у меня возникли точно такие же сомнения: почему она не зажгла все восемь? Но шесть свечей, сгоревшие дотла, пока я спал, – событие неординарное.

Некоторое время все молчали.

– Казалось бы, духи усопших ужасно ограничены и скованны, – заметил Минскер. – Умирая, человек захлопывает за собой дверь. Иначе никакой свободной воли вообще бы не было. Прочтите «Фантазмы жизни». Таких случаев тысячи.

Альберт Крупп поднял палец:

– Я все равно уверен, что в мастерской гулял ветер и одна свеча зажгла другие. Вы же сами говорите, что на улице было холодно и шел снег. Вероятно, и ветер дул. В мастерской обычно много окон. Вы говорите, что не топили. Вот ветер и залетел внутрь.

– Насколько я помню, ветра не было.

– Вы, конечно, можете помнить, что происходило, пока вы бодрствовали, но вряд ли вам известно, что происходило, пока вы спали мертвым сном.

– Согласен, однако здесь бы потребовался совершенно особенный ветер, который бы и свечи не задул, и одновременно направил их пламя в нужную сторону. Я потом несколько раз пробовал.

– Больше вы ничего от нее не слышали? – спросил Зейнвел Амстердам.

Манера, в какой он задал вопрос, вызвала смех. Никто не сумел сдержаться, Аарон Дейхес и тот улыбнулся. Правда, глаза его при этом увлажнились. Женщины хихикали и виновато отворачивались. Не смеялась только Броня – она уснула.

Минна кивнула на нее:

– Минскер, ваша лучшая половина спит.

Секунду Минскер смотрел на жену.

– Она устала. Счастливы те, кто может спать.

Глава четвертая

1

Герц Минскер знал, что все это надувательство. Он никогда не верил в оккультные силы Бесси Киммел. Несчетно раз ловил ее на вранье. Эта женщина – сплошная истерия, самообман и безумие.

«Можно верить в духов, но не верить в Бесси Киммел», – думал Герц Минскер. Даже если Бесси когда-то обладала некой силой, она давным-давно ее растранижила и свела на нет ложными теориями, пустым бахвальством и мегаломанией, внушившей ей уверенность, что владыки небесные, ангелы-наставники постоянно поддерживают с нею связь. Она даже говорила Минскеру про свои визиты на Марс. Совершенно очевидно, что сеансы, которые она для него устраивала, и происходившее там было от начала и до конца надувательством. Но сам факт, что Бесси Киммел зашла так далеко и, возможно, даже не скупилась на расходы, с психологической точки зрения безусловно не мог не вызывать интерес.

Минскер соглашался со Спинозой в одном: в природе нет лжи. За каждой ложью таится правда. Идеи могут быть фрагментарными и искаженными, но никак не ложными, ведь откуда возьмется ложь, если Сам Бог есть истина? В данном случае Спиноза прикрывался каббалой.

Нет, Бесси Киммел не поддерживала связи с духами, но страсть номер один у нее – соединиться с ними. Нет, лицо, что открылось Минскеру в темноте, принадлежало не Фриде, да почит она с миром, а какой-то молодой женщине, которую Бесси, вероятно, наняла на эту роль. Но почему Бесси шла на такие хлопоты? Какую прибыль надеялась получить? Само это занятие, мотивы, стремление устроить розыгрыш – все это, безусловно, являло собой глубинную человеческую истину, древнюю, как само человечество.

Участвуя в этих смехотворных сеансах, Минскер, как никогда, стыдился себя. Это же надругательство над Фридой. Если Бесси Киммел полагала, что он верит в мнимый призрак, она явно считала его идиотом. Кроме того, Минскер опасался, что девица, нанятая Бесси на роль Фриды, станет его шантажировать. Кто знает, что они способны замыслить насчет него? С тех пор как он приехал в Америку, его не оставляло предчувствие, что он угодит здесь в какую-нибудь ловушку: попадет под суд, сядет в тюрьму, будет депортирован.

Но когда Броня легла спать, а Бесси Киммел постучала в дверь и пригласила его заняться столоверчением или помочь ей с доской уиджа, он не сумел отказаться. Ну не мог он лечь в постель в такую рань, как Броня. Здесь, в Нью-Йорке, ему совершенно расхотелось читать. Интерес к оккультизму был у него страстью номер два, и нередко он думал, что эта страсть вот-вот займет первое место. Романы с женщинами и те были связаны с этим. Он всегда искал в женщине иррациональное. Подобно каббалисту, находил в любви и в стремлении совокупиться тайну высших миров.

Пока сеанс не начался, торшер оставался включен, и Бесси принесла ему чай, кофе, содовую с соком и всякие закуски. Однако едва они с Бесси положили руки на столик, тот загадочным образом затрясся, закачался и задвигался. Конечно, Минскер понимал, что все это имело касательство к подсознательному, но ведь и подсознательное являло собой глубокую тайну.

Бесси была старше Минскера – на его взгляд, ей перевалило за шестьдесят, – маленького роста и круглая, как бочка. Почти без шеи, голова сидела прямо на плечах – большая, квадратная, с растрепанными волосами, которые от неумеренной покраски и завивки совершенно утратили блеск. Нос приплюснутый, с широкими ноздрями, губы толстые, поджатые, обнажающие фальшивые зубы. На подбородке пробивалась борода. Лицо в рябинах, маленькие карие

глаза широко расставлены, веки тяжелые. Весь ее облик дышал обманом, упорством, одержимостью человека, обуреваемого навязчивой идеей и пойманного в западню, откуда нет выхода.

За свою жизнь Бесси Киммел четыре раза побывала замужем. И получала от страховой компании ежегодную пенсию. Она по-любительски играла на бирже и всякий раз, когда они с Минскером занимались столоверчением, задавала вопросы о том, пойдут ли котировки вверх или вниз и покупать ей или нет. Зачастую Бесси спрашивала о каждой акции в отдельности, и стол неустанно выстукивал ответы. Порой Минскеру даже казалось, будто стол теряет терпение. Начинает стучать слишком быстро и вопреки установленным правилам. Как-то раз Бесси обронила, что стол – или дух, который его двигал, – обманул ее. Предсказал бум, а на деле оказался спад. Минскер даже слышал, как Бесси крикнула столу: «Ты врешь! Обманываешь меня!» – и обозвала его грязным словом, никак не подходящим для эmissара небесных ангелов.

После сессии со столиком Бесси предложила сеанс.

В ходе сеанса Минскер прикидывал, как все это работало. Девица – кто бы она ни была – имела ключи от квартиры. Она спокойно проскальзывала внутрь, пока Бесси пела псалом и барабанила на фортепиано, и прокрадывалась в ванную. Переодевалась там и ждала, когда ее вызовут. На Фриду она ни фигурой, ни голосом не походила, но бегло говорила по-польски, наверно, была польской беженкой. Она целовала Минскера, нашептывая, как ей хорошо в ином мире. Эта мнимая Фрида якобы встречалась там со своим отцом, с матерью, с сестрой, братьями и бесчисленными друзьями. Утверждала, что сделалась там наставницей, учила новоприбывшие души, как им воссоединиться с духовным миром. Сама она поднималась во все более высокие сферы рая. В Варшаве она оберегала Лену. Да, Лена была жива, с ней все хорошо, и она по-прежнему девственна. Герцу незачем о ней тревожиться. Обстановка в Польше тяжелая, но Лена благополучно все преодолет. Минскер привезет ее в Америку, где ее ожидает предназначенный супруг.

Каждый раз «Фрида» говорила почти одно и то же. Когда Минскер задавал вопрос, на который у нее не было ответа, она либо умолкала, либо отвечала уклончиво. А на следующий день Бесси Киммел расспрашивала его именно об этом, стараясь выудить информацию.

Насколько Минскер мог судить, девица надевала ночную рубашку и белые шлепанцы. Пахло от нее потом и духами. Минскер поражался ее проворству. Она целовала его, но ответных поцелуев не допускала. Он пытался обнять ее, а она ловко уворачивалась. Однажды он схватил ее за грудь, но она шлепнула его по руке и назвала гадким мальчиком – все это хриплым шепотом, тоном актрисы, которая играет роль, но излишних фамильярностей со стороны партнера не желает. Немногим позже Бесси Киммел, якобы находившаяся в трансе, принималась стонать, подавая девушке знак, что пора сказать «до свидания» и удалиться в ванную.

Иной раз Минскеру хотелось сказать Бесси: «Зачем вам это нужно? Кому вы помогаете этой чепухой? В чем смысл? В чем цель?» Сам он считал, что такого рода обман только вредит парапсихологии и превращает все в фарс.

Вместе с тем Минскер прекрасно понимал, что не рискнет задать эти вопросы. В противном случае дружеские отношения с Бесси будут испорчены. И она откажет ему от квартиры. Ведь в этой чепухе – как и в множестве прочей чепухи, в какой участвовала Бесси, – явно заключался смысл ее жизни. Собственный дом был для Бесси храмом, духи – ее божествами, а сама она – жрицей.

Раньше на сеансах Бесси Киммел собиралось много гостей. Но с тех пор как в ее доме поселился Минскер, она сосредоточила все свои силы только на нем.

Призрак Фриды старался его утешить. Его дочь Лена слала приветы из разоренной войной Варшавы, и небесные учителя предлагали всевозможные иные доказательства.

Отец Минскера, пильзенский цадик, тоже слал ему приветы. Говорил по-английски и сообщил Минскеру, что там, где он, ребе, теперь проживает, никаких различий меж расами,

национальностями и религиями не существует. Все служат единому Богу. Великим светом все праведные души наслаждаются сообща. Моисей, Иисус, Будда и Конфуций сидят в одном храме, обсуждают богословие и метафизику.

Пильзенский цадик сообщил Минскеру через медиума-контроля, что война с Гитлером – последний конфликт, битва меж Гогом и Магогом. Вскоре затем для всего человечества придет спасение.

2

Зазвонил телефон, Минскер подошел к аппарату, снял трубку и услышал голос Минны:

– Герц, дорогой, это я, твоя единственная.

– Как твои дела?

– Кое-что случилось, но я боюсь тебе сказать.

– Чего ты боишься? У меня ружья нет.

– Тебя я боюсь больше, чем кого-нибудь с ружьем. Послушай, Герц, гость у нас в городе. Крымский приехал. Можешь себе представить?!

Мысли Минскера замерли. Зигмунт Крымский – прежний муж Минны. По ее словам, он психопат, выродок, подонок из подонков. Начинал как актер в еврейском театре, играл на идише, потом переквалифицировался в менялы. В Париже, где некоторое время жил с Минной, он торговал картинами и строил из себя эдакого мецената.

И вот Минна рассказывает, что Крымский через Касабланку приехал в Нью-Йорк. Остановился в одной из бродвейских гостиниц, неподалеку от Минскера.

– Нет, ты представляешь себе?! – сетовала Минна. – Звонит телефон, я снимаю трубку. В уверенности, что звонишь ты. И неожиданно слышу голос, одновременно чужой и знакомый. Когда я сообразила, кто это, едва не бросила трубку. После всего, что этот человек со мной сделал, у него хватает наглости звонить мне! Но по трусости я даже отчитать его не смогла, тем более что он никого тут не знает. Разговор он начал так, будто между нами ничего не произошло. Рассказал о тысяче чудес, случившихся с ним. Он едва не угодил в лапы к нацистам. Совсем рядом с ним взорвалась бомба. Он потерял все, однако уцелел. Но пока он говорил, я поняла, что и в Касабланке он обтяпывал темные делишки. Сказал, что привез несколько картин знаменитых французских художников, имен я не помню. Небось выманил их у художников или попросту украл. Этот человек на все способен.

Я ему напрямик сказала: «У меня есть муж. Я замужняя женщина». Думала, это его отпугнет, но он нисколько не удивился. Сказал: «Что ж, поздравляю». И принялся рассказывать, как высоко ценит меня и мой огромный литературный талант. А когда я сказала, кто мой муж, он так заорал, что я чуть не оглохла. Он, мол, знает Морриса Калишера. Когда-то продал ему картину.

Герц, дорогой, не хочу больше отнимать у тебя время, но он заставил меня дать слово, что мы встретимся. Кто-то посылал ему приветы от меня. К тому же он хранит вырезки из старых газет с моими стихами, которых у меня нет. Не знаю, почему он их сохранил, – у каждого свои причуды. Я хотела ему сказать, что не имею ни малейшей охоты снова видеть его рожу, да язык не повернулся. Короче говоря, я решила: в конце концов, мы люди цивилизованные. Не съест же он меня. Вот и встретила с ним в кафетерии на Бродвее, не там, где встречаетесь вы с Моррисом, ближе к центру. В общем, я только что оттуда. Сперва думала, что буду не в силах рассказать тебе. Боялась, ты вспылишь. Но не смогла таиться.

Все время, пока сидела там с ним, я думала только о тебе. Что, если ты вдруг войдешь? В конце концов, ты любишь бывать в разных кафетериях. Со страху у меня все внутри судорогой свело. Странно даже, как я разнервничалась. Думала, ты только и ждешь случая отделаться от меня. Ох, черт побери, сама не знаю, что говорю. Ты понятия не имеешь, что творится у меня в голове, хоть ты и психолог.

Минскер, помедлив, спросил:

– Ну и как он выглядит?

– А как ему выглядеть? Слушая его по телефону, я решила, что он старый и седой. Ведь через такой ад прошел! Но как это говорится? Сорняки неистребимы. Он силен как бык. Ни единого седого волоска. Якобы все потерял, а одет с иголочки. Я со стыда сгорала, сидя с ним за

одним столиком. После всего, что он мне причинил, надо было плюнуть ему в физиономию. Он теперь корчит из себя эдакого праведника, но меня ему больше не одурачить. Короче говоря, он рассчитывает всучить Моррису картину. Мало того, имел наглость предложить мне купить драгоценности. Очевидно, контрабандой провез бриллианты. Я правда не знаю, зачем я все это тебе рассказываю. Ему я такого наговорила, что любой другой на его месте сразу бы ушел. Но людей его сорта не оскорбишь. Я-то думала, он принесет стихи, и я смогу включить кой-какие в свою книгу, но он, видимо, придерживает их на всякий случай. Мне было необходимо кому-нибудь рассказать, а кому, кроме тебя, можно рассказать подобные вещи? На меня словно выплеснули ведро помоев.

– Он не женился?

– Говорит, что нет, но чего стоит его слово? Много ли оно значит для людей вроде него? Как по-твоему, рассказать Моррису или нет? Вдруг он что-нибудь заподозрит. Это во-первых. Во-вторых, Крымский в самом деле может продать Моррису картину, а я не хочу, чтобы он заграбастал Моррисовы деньги. Наверно, нехорошо так говорить, но очень жаль, что он не остался, где был. Хорошие люди не могут уехать от Гитлера, а такой вот подонки ловко смысается.

– Так всегда бывает.

– Что же мне делать? Он знает мой телефон. Боюсь, начнет меня преследовать.

– Ничего он тебе не сделает, если ты не хочешь.

– Кто знает, какие гадости этот тип заготовил против меня? У него есть мои письма.

– Он так сказал?

– Намекнул.

– Кому интересны твои письма?

– Он вполне может их использовать как козырь перед Моррисом. Мало ли что напишешь в письме, когда тебя предали.

Оба надолго замолчали.

«Ну вот, уже начались сложности», – сказал себе Минскер. Жизненные сложности пугали его, но вместе с тем доставляли какое-то порочное удовольствие. Минскер постоянно сражался с шайкой домовых, демонов и бесов. И часто воображал, будто играет с ними в шахматы. Он делает ход, и они в ответ тоже. Все время стараются загнать его в угол и поставить мат.

Фактически приезд Крымского в Америку не создавал Минскеру никаких особых проблем. Но он знал, что сложностей еще прибавится. Хотя Минна при всяком удобном случае клялась ему в вечной любви, он не доверял этой женщине с ее скверными стихами и не в меру бойким языком. Она и привлекала его, и одновременно отталкивала.

Минскер чувствовал, что Минна – классический образец представительниц женского пола, описанных в книге Отто Вейнингера «Пол и характер». Если она говорила правду, это была ложь. Сейчас она обманывала мужа. Но с легкостью обманет и Минскера. Способна даже возобновить отношения с Крымским, которого так яростно ненавидела.

«Н-да, самое время выбираться из этой мерзости», – подумал Минскер.

А вслух сказал:

– Что он выиграет, разрушив твою жизнь?

– Спроси у подонка о причинах его поступков.

– Ничего он не сделает.

– Сделает, не сделает. Как бы то ни было, у меня душа не на месте. Сказать по правде, с Моррисом тоже не жизнь. Она не трудная, нет, но пресная, унылая. Мне хотелось бы знать только одно – если я его оставлю, можно мне прийти к тебе? Если да, то на все остальное мне плевать.

– Броня пока что со мной.

– И долго ты намерен ее терпеть? Прости, что я так говорю, но она твердит, что хочет вернуться в Польшу, так почему бы не отпустить ее? В конце концов, место матери – подле детей.

– Не нам судить.

– Но люди-то судят. Почему она все взваливает на тебя? Вы странная пара.

3

Моррис Калишер весь день занимался делами. Дома его ждали к ужину, но он позвонил Минне и сказал, что поужинает в ресторане на Деланси-стрит. Если хочет, Минна может присоединиться к нему. Минна ответила, что идет на банкет в честь семидесятилетия какого-то еврейского писателя. Моррис Калишер вспомнил, что об этом что-то писали в газете.

При всем восхищении Минной и ее поэтическими талантами Моррис Калишер на поэтов вообще смотрел свысока. Считал поэзию занятием для женщин и неумех, но не для мужчин, особенно таких, кому за семьдесят. «В семьдесят надо готовиться к примирению с Господом, а не писать вирши, – думал Моррис. – Чего они ждут? Прихода Ангела смерти с ножом?»

Тем не менее он не возражал, пусть Минна проведет вечер с писателями. С таких вечеров она всегда возвращалась в приподнятом настроении и рассказывала ему о множестве комплиментов, какие слышала по собственному адресу. Моррис как-то ходил с ней в кафе «Ройял» на Второй авеню. К тамошней еде он не притронулся, поскольку кухня была трепная, только пил чай. Сидел и смотрел на публику – писателей, актеров и актрис. Длинноволосый мужчина подошел к Минне, похвалил одно из ее стихотворений. Седой коротышка продал Моррису сборник стихов. Позже, в метро, Моррис попробовал читать, но не мог докопаться до смысла. А ведь Минна твердила, что этот человек – один из самых тонких поэтов.

Ладно, ничего не поделаешь. У всех свои причуды, решил Моррис Калишер. Пристрастия делают дураком каждого, но по-разному.

В ресторане на Деланси-стрит Моррис Калишер засиделся с бизнесменами до девяти. Они планировали сообща купить дом. Моррис Калишер чертил карандашом на скатерти, ел кашу с консоме, говядину, кишке, морковную запеканку и чай с кексом. Теперь им осталось только съездить в Бруклин вместе со специалистом, который проверит бойлер и водопровод. Распрощались все лишь в одиннадцать.

Моррис Калишер устал от разговоров, обильной еды и излишнего количества сигар и домой поехал на такси.

Обычно Минна встречала его на пороге, однако на сей раз, позвонив, ответа не получил. Отпер дверь своим ключом, зажег свет в передней. По дороге он купил завтрашние газеты. В подражание англоязычным еврейские газеты стали печатать утренний выпуск накануне вечером. Моррис Калишер считал все это частью американской спешки. Не могли они дождаться следующего дня. Газета писала о бомбардировках, каким немцы подвергали Англию. Пока что между Гитлером и Сталиным был мир, но надолго ли? Кровь лилась в Англии, в Греции. Евреев в Польше сгоняли в гетто. Заставляли носить повязки со звездой Давида. Избивали. Африка и Палестина находились в опасности.

– Трагедия, трагедия! – простонал Моррис Калишер.

Некоторое время он сидел на диване в гостиной, читая о бывшем коммунисте, которого Сталин отправил работать на золотых приисках Сибири. Потом прочитал о матери и троих детях, погибших во время пожара на Статен-Айленде.

– Ужас что творится! – простонал он.

Он хорошо знал, что роптать на Всевышнего нельзя, но, читая газеты, всегда расстраивался. Чем виноваты эти бедные детишки? Чем они заслужили такую смерть? А как насчет евреев в Европе? Со времен Разрушения Храма не случалось такого опустошения и жестокости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.